
Кайя Белая
Тени холмов
Выбор Коди
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Тени холмов

Кайя Белая

Тени холмов: выбор Коди Книга 2

«Автор»
2026

Белая К.

Тени холмов: выбор Коди Книга 2 / К. Белая — «Автор», 2026 — (Тени холмов)

Пятнадцать лет назад Коди сбежала из мира вервульфов, унося в себе двоих детей и тайну, которая могла её убить. Она изменила имя, стала адвокатом, построила жизнь с нуля. И поклялась никогда не возвращаться.Но прошлое находит её. Сначала в кофейне — мужчина с лунными глазами, который смотрит слишком пристально. Потом в аэропорту — похищение детей. А затем — Гренландия, замок, король, который ждал её все эти годы.Льёт был мальчишкой, когда впервые увидел её. Теперь он — конунг Северной стаи. И он не собирается отпускать её снова.Она должна выбрать: бежать, как всегда, или остаться и принять мир, который когда-то отнял у неё всё.Но Льёт не отступает. А Коди слишком устала бояться.Это история о женщине, которая возвращается не за прощением — за своей жизнью. И о волке, который ждал пятнадцать лет, чтобы сказать: «Ты моя».

© Белая К., 2026
© Автор, 2026

Кайя Белая
Тени холмов: выбор Коди Книга 2

Вокруг меня было слишком много народу. Кажется, именно в эту кофейню собрался весь город. Ноздри щекотали запахи кофе, свежей выпечки и корицы. С огромным удовольствием я смотрела в окно и радовалась тому, что наступила осень. Наконец-то лето закончилось. Удушающая жара с маревом до пяти вечера, везде снующими счастливыми людьми в купальниках и яркими пляжными полотенцами выводила из себя. В особенно жаркие дни мне хотелось убить каждого слишком радостного туриста, в очередной раз перебегающего дорогу в неположенном месте.

Р-р-р, зарычала я про себя. И на этом моменте оборвала поток мыслей. Не хочу опять неделю ощущать неуемную боль в груди. Мне все еще казалось — в районе солнечного сплетения, чуть ближе к сердцу, торчит ветка или гвоздь, и только стоит вспомнить о чем-то маломальски возвращающем меня туда… Закрыла глаза и глубоко вдохнула.

Нет. Нет. Нет. Я не буду об этом вспоминать. Это было не со мной. С другой женщиной, в другой жизни. Я дважды меняла свою жизнь, начиная сызнова, и это ее лучшая версия. Лучшая версия меня.

Еще один глубокий вдох.

Осень. За окном дождь, промозглый ветер гонит почерневшие листья по серой дороге и помогает океану выплевывать седую пену на набережную. Улицы опустели уже недели две как, и можно было спокойно прогуляться вдоль берега. Не быть испачканной мороженым, сладким яблоком, остаться в чистой обуви, которую не обрызгали очередным синим ледяным коктейлем. Сегодня я наконец-то надела любимый кашемировый свитер и закуталась в пальто. Смогла облачиться в своеобразные доспехи и не ощущать себя раздетой. В плюс тридцать пять сложно закутать себя во что-то, даже пиджак, и тот прилипал к взмокшему телу. А я не любила ходить в полупрозрачных блузках или легких платьях.

Поежившись, крепче сжала горячую кружку черного несладкого кофе. Абстрагироваться от шума вокруг. Здесь нет очереди на кассу, лиричный джаз из колонок настраивает на меланхолию, и кофемашина с приятным шумом мелет зерна. Сейчас я выпью свой кофе, съем миндальный круассан, наполненный сладким, бархатистым ореховым кремом, и лепестки миндаля будут приятно хрустеть, и я в прекрасном настроении поеду на работу.

— Мам! — Я не хотела открывать глаза и погружать себя в сумасшествие понедельника.
— Мам! — Голос был слишком настойчивым, чтобы и дальше игнорировать его. Светло-голубые глаза, обрамленные смолисто-черными длинными ресницами, тревожно смотрели на меня.
— Матс опять где-то пропал! Может, он застрял в туалете?

— Я уверена, с твоим братом все в полном порядке. Возможно, он пытается сделать что-то с прической? — улыбнувшись, заговорщически прошептала я ей, склонившись ниже. — Дома он был раздражен, что из-за влажности кудри никак не хотят укладываться. — Микаэлла елозила на стуле и задирала подбородок, словно стараясь поднять себя над головами присутствующих людей. Ее темные волосы были прямыми как струна и колыхались при каждом ее движении гладкой копной. Отпив горького кофе, я увидела плывущую к нам светлую макушку с красивыми кудрями.

— А вот и он.

Дочь заметно расслабилась и, дернув брата за форменные синие брюки, выглаженные с идеальными стрелками, зашипела:

— Где ты был?

Волосы сына потемнели от влаги. Опять пытался сделать их ровными, как у сестры, или придать хоть какой-то структурированный вид. Я бы разрешила ему отпустить длину, и тогда

они бы не так вились, но строгие правила школы не разрешали мальчикам носить длинные волосы.

— Мика, — успокаивающе начал сын, положив руки на стол и выпрямив спину. — Все хорошо. Нет поводов для беспокойства. — Дипломат, адвокат, политик и вожак. На последней мысли я сглотнула непрошеный комок в горле. И как в фотогалерее, пролистала мысли дальше, не задерживаясь на конкретной. — Мам! — он перевел взгляд на меня. Обезоруживающий взгляд. Зрачки цвета полной луны, напоминающие мне, что чудеса существуют. — У тебя сегодня слушание? — Мои не по годам взрослые дети. Мое богатство и самая большая тайна от всего мира.

— Да, дорогой. А после совещания встреча с новым клиентом. Не думаю, что задержусь, но Эни предупреждена об ужине.

— Не волнуйся, уроки будут выполнены. — Я и не волновалась, ни разу. Хотя иногда мне хотелось, чтобы мои дети не сделали уроки или получили двойку, тогда, возможно их ментальный возраст и зрелость не так бы меня пугали. — Я прослежу, чтобы Мика прочитала несколько глав внеклассного чтения. — Когда он был таким серьезным и сосредоточенным, мне становилось страшно. Мне хотелось обнять его, сказать, что он еще ребенок, что он не должен воспринимать мир так серьезно и прагматично, что в жизни есть место веселью, азарту и глупостям. Но все перечисленное было не про него. Думаю, гены и природа брали свое.

— Может быть, вам пригласить кого-то в гости? — Матс смотрел на меня, вздернув брови. Я читала осуждение в его глазах. — После того, как сделаете домашние задания, разумеется, — неуверенно добавила я, пытаясь придать себе серьезность родителя. — Это весело, когда есть с кем посмеяться, или поиграть в приставку, или покидать мяч в кольцо.

— Пробежки нам хватает и на уроках физкультуры, — он точно меня осуждал. — Приглашать в дом незнакомцев, где есть две женщины, нецелесообразно, — заключил он и допил свой кофе. Протянув руку через стол, я взяла его уже не детскую ладонь и погладила тыльную сторону — раньше его это успокаивало.

— Милый, — улыбнулась я, — ты не можешь быть взрослым, когда ты еще ребенок. Это мои обязанности. Ты должен веселиться, ходить с друзьями на пляж, кататься на скейте, знакомиться с девушками и радоваться жизни. Понимаешь? Ты не отвечаешь за безопасность своей сестры и меня, это моя задача.

Он вытянул свою руку из моей.

— Ты неправа. Я мужчина в доме, и вы моя ответственность, — серьезно сообщил он. — Я не думаю, что скакание под глупую музыку или смех над глупыми видео в Сети дадут мне полезные навыки в жизни. И прошу, перестань себя терзать мыслями, что то, как мы живем, неправильно. Так будет, и на этом точка, — его взгляд говорил мне намного больше, и, наверное, пришло время признать тот факт, что его сознание — уже давно не детское, и перестать все время перетягивать его в мир нормальных подростков. Все в моем желудке затянулось узлом. Что будет, когда ему будет восемнадцать, двадцать? Я справлюсь с этим? Смогу ли я дать им все, что нужно для их природы?

Мои дети опережали своих сверстников в умственном развитии. Я ни в коем случае не хвалюсь, упаси Боги от этого. Они учились на два года вперед. В школе их считали уникумами. И если Матс всячески старался улучшить свои результаты, был в школьном комитете, участвовал в различных съездах и конференциях молодежи, и ему всегда было мало — его работоспособность была невероятной, — то Мика при всем ее таланте и уме просто пользовалась этим, но не забывала, что она красивая девушка. Я знала, что в них говорит природа их отца. Но об этом меня не предупреждали. Я смирилась с повышенной физической силой, смирилась с высоким ростом Матса, но с их умственными способностями и психической зрелостью все было сложно.

— Если задержишься на работе, не забудь поужинать. Пожалуйста, — с нажимом попросил мой сын, он знал, что мне нельзя голодать из-за обострившейся ГЭРБ. — Нам пора, — заглянув в телефон, деловым тоном сообщил сын. — На Уитекер-стрит большая пробка. Я заказал тебе кофе с собой. Мика, сходи, пожалуйста, забери стакан. — Дочь недовольно надула губки и, поднявшись из-за стола, ушла к стойке. Сын протянул мне шарф и пальто.

— Знаешь, может, не стоит нагружать Мику?

— С ней все в полном порядке. Если она сделает одно лишнее движение с заботой о ближнем, это ее не убьет. Мысленно она подбирает наряд на вечеринку по случаю начала учебного года. — Я не смогла скрыть улыбку.

— Разве это плохо? Она хочет веселиться.

— Мам, ты сама была на таких вечеринках? — Я отрицательно мотнула головой. — По статистике, именно после таких пиршеств наступают подростковые беременности, изнасилования группой лиц, передозировки и вождение в нетрезвом виде.

— Все не может быть так плохо. А как же статистика первого поцелуя, первой влюбленности, медленного танца?

— В более зрелом возрасте, но не в четырнадцать. Мы нерациональны, у нас еще нет критического мышления.

— Я бы с этим поспорила. Твоя сестра тебя любит, и, возможно, она просто хочет, чтобы ты хорошо провел время. — Легкий румянец коснулся его щек. Он раскрыл пальто для меня, и я, повернувшись к нему спиной, вдела руки в рукава. Мой сын был ростом сто восемьдесят сантиметров от пяток до макушки, ему шел четырнадцатый год, и это выделяло его из массы сверстников. Мика была ниже ростом, и фигурой она не пошла в меня. Их стать, характер, мимика и жесты, их уверенность в себе и непоколебимая решительность и властность, которую они еще не распробовали в полной мере. Я не думала, что они, как губка, возьмут все от Лейфа. Даже его имя, произносимое мысленно, причиняло ноющую боль.

Мы с Матсом продвигались сквозь толпу людей, которая все прибывала в маленькое помещение кофейни. Матс шел первым, как и всегда. Что-то оттянуло меня назад, и я обернулась.

Мужчина наступил на кончик пояса от моего пальто, волочащийся по полу, и поднял на меня глаза. Они были не просто светлыми, а почти прозрачными, как лед на луже. В них не было ни извинения, ни любопытства. Была лишь абсолютная концентрация. Он смотрел не на меня, а сквозь меня, словно сверяя с мысленным изображением. Его взгляд скользнул с меня на Матса, и в этих ледяных глазах что-то дрогнуло — не удивление, а скорее... узнавание? Убрав с пояса носок черного замшевого ботинка, мужчина наклонился и медленно, почти ласкающе провел подушечками большого и указательного пальца по синему кашемиру, будто проверяя ткань на прочность... или вспоминая ее тактильность. Он был высок и широк в плечах и слишком сосредоточен на моем поясе.

— Мам, — вырулив из толпы, Мика вручила мне бумажный стакан, разрисованный сердечками. — Твой кофе.

— Спасибо, милая, — я улыбнулась и потянула пояс, который никак не хотел возвращаться в мои шлевки.

— Будьте так добры, — раздалось за моей спиной нетерпеливое фырканье сына. — Верните моей маме ее вещь! — Замерший мужчина оторвал взгляд от моего пояса и внимательно посмотрел на Матса. Я ощущала, как плечи моего сына расправились, как он напрягся и подобрался. Из его горла вырвался тихий, похожий на рык звук. Положив руку Матсу на грудь, которая вибрировала, я погладила его горячую кожу и как можно мягче произнесла:

— Милый, все хорошо! Пояс выпал, а молодой человек на него наступил. — Матс резким рывком потянул пояс из ослабевшей хватки мужчины. И шелковистая, блестевшая в теплом свете ткань внезапно показалась мне петлей на виселице.

В ушах зазвенело. Та самая «ветка» в солнечном сплетении провернулась, и запахи кофе и сдобы уже не были такими приятными, повеяло стылой землей.

— Идем, — поторопил Матс. — Калеб уже ждет. — Сконфуженно улыбнувшись мужчине, все еще не проронившему ни слова и замершему посреди утреннего хаоса кофейни, я вышла следом за детьми на улицу.

Проводив детей в школу и приехав на работу, я погрузилась в подготовку к предстоящему заседанию. Я не брезговала никакой работой. Ни когда в работе была острая необходимость, ни сейчас, когда я стала тем, кем стала. В числе моих клиентов были разные люди и, среди них были люди с противоречивой репутацией. Но когда на руках двое грудных детей, тебя мало волнует, откуда клиенты берут свои деньги, чтобы заплатить за мои услуги.

Мои природные способности позволяли вести их дела исключительно бережно и без сюрпризов, я настолько идеально выполняла свои задачи, что сейчас являлась не только адвокатом многих влиятельных людей города, но и была их поверенным лицом.

Меня считали в этом городе нечистым юристом, полагая, что моя фирма построена на грязных деньгах. Мне было все равно, как эти люди ведут дела и чем торгуют. Они исправно платили по счетам, всегда готовы были оказать услугу и относились с огромным почтением и уважением ко мне, моей работе, моим сотрудникам и, в частности, к моей личной жизни.

Время юношеского максимализма давно прошло, и, наверное, я в каких-то моментах стала больше понимать своего отца. Но все же я держала профессиональную дистанцию и не ввязывалась в их разборки, и за откровенную чернуху не бралась. Но и нужно отдать должное моим клиентам, не всем, а только особенной части: с течением лет они стали более воспитанными, у них появились стиль и вкус, а главное, хороший тон. И ко мне они относились соответственно.

Я была их адвокатом, юристом, поверенным и тем, кто знал самые грязные секреты. За мои знания мои дети ходили в лучшую школу. Жили в престижном районе. Ходили в кашемире и шелке и каждый понедельник завтракали в лучшей кофейне города. И я готова была поступиться своим «честным именем», чтобы мои дети реализовались по максимуму в этой жизни.

Бросив беглый взгляд на свое расписание, я обратила внимание на встречу, которой в пятницу не было.

— Рейчел! — позвала я своего секретаря. — Что за встреча на 16:00?

— Он был с рекомендациями от Клауса Фицгибенса и Мастриани, они за него ручались, — зайдя в мой кабинет, длинноногая брюнетка в платье от «Прада» положила на стол визитки, подписанные негласным знаком тринадцати.

— И в чем вопрос? — просмотрев визитки с метками, я откинула их в сторону и нагнулась, чтобы обуть туфли на шпильке. В суде нельзя появляться на низком ходу. Соперник воспримет это как слабость. Я вспомнила, как с беременным животом балансировала, словно эквилибрист, на заседаниях и старалась быстрей закончить слушание, чтобы снять эти орудия пыток, из которых выпирали мои отекшие и распухшие ноги.

Рейчел пожала плечами:

— Мне не сообщили подробностей.

Подняв голову, я посмотрела на своего секретаря. Невероятная, эффектная девушка с потрясающей фигурой «песочные часы» выбивала воздух из легких многих клиентов и лишала их дара речи. Но она никому и никогда не давала зеленого света.

— Узнай все, что сможешь, о новом клиенте, и быстро. Отправь мне на почту, — взяв в руки кожаный черный портфель, я направилась к лифтам. — Не хочу сюрпризов, — двери лифта закрылись за моей фигурой.

Заседание было долгим и томительным. В зале пахло затхлостью, мужским потом и краской для принтера. Я вертела в руках одну из визиток-рекомендаций, что отдала мне Рейчел, и никак не могла заглушить странное, вибрирующее волнение.

Моему нынешнему клиенту штат так и не предъявил веских обвинений, и мы вышли из зала суда раньше, чем полагалось.

— Мисс Монтари, может быть, кофе? — обратился ко мне мой постоянный клиент.

— Не могу, синьор Мастриани. У меня назначена встреча, — я стояла ниже на несколько ступеней и, уже занеся ногу, чтобы сбежать вниз, остановилась. — Маттео! — Он замер в ожидании. Красивый мужчина. Истинный чистокровный итальянец, который не раз предлагал мне более уединенное общение, выражая свое расположение. — Вы не знаете, кого могли рекомендовать как нового клиента Фицгибенс и Мастриани? — он спустился ниже на одну степень.

— Визитка? — Я протянула ему черную бархатистую карточку, на которой золотыми бархатными буквами были выведены слова «Segreto» и шариковой ручкой нарисована ладонь. — Не представляю, кто это может быть. Знак редкий для наших кругов, но очень ценный, — он вернул мне визитку, зажатую между двумя пальцами. — Если будет нужна помощь, Рейчел занесла мой телефон в быстрый набор. Я под номером четыре, — он широко и лучезарно улыбнулся, показав мне безупречно ровные зубы. — Обидно быть четверным. Но я себя успокоил, что на первом месте дети, затем их отец, а после, наверное, няня или водитель, — я не смогла скрыть улыбку.

— Спасибо за попытку!

— Их будет бесчисленное множество, — уверенно сообщил мужчина. — Пока вы не окажетесь в моих руках безраздельно. — Учитывая мой возраст, я все еще по-ребячески смущалась от таких откровенных подкатов. Но чем эти мужчины отличались от большинства городских, так это тем, что они брали то, чего очень желали.

Маттео уже несколько месяцев настойчиво ухаживал и деликатно намекал, что пора бы рухнуть неприступной цитадели. Но, к его огромному счастью, он понятия не имел, кто его соперник. Все, кто так или иначе появлялись на моем пути с целью сделать меня своей женщиной, разбивались о скалистый берег возведенного в культ идеала отца моих детей.

Мой Лейф! Мой прекрасный, неподражаемый, уникальный мужчина, который отдал буквально все ради моего благополучия. Разве с ним мог кто-то сравниться? Сейчас же я несла немой траур по нему уже почти пятнадцать долгих лет. Несла его потому, что, когда он был моим до кончиков пальцев, я не осознавала всего богатства и счастья и утвердительно говорила, что любви между нами нет.

— Мне лестно, Маттео, — мягко улыбнулась я. — Но близкие отношения между клиентом и его адвокатом противоречат моему внутреннему кодексу и могут повлечь за собой нежелательные последствия для вас, вплоть от отвода меня от ваших дел, — всегда подчеркнутый деловой тон, никакой грубости или лести. Они, как звери, чувствовали ложь.

— Допустим! — согласился он. — Но я не всегда буду вашим клиентом. И это не отменяет маленьких радостей для меня в виде сюрпризов для вас, — Маттео был одним из наиболее настойчивых ухажеров. Обычно всех хватало на пару недель, далее находилась более выгодная или легкая добыча. К чему такие сложности, если можно все сделать проще.

— Увидимся в следующий понедельник. — Развернувшись, чтобы шагнуть на ступень ниже, я добавила: — И пожалуйста, при любых ваших действиях имейте в виду хвост в лице федералов.

— Обещаю, что буду максимально осторожным, — слегка склонившись в поясе, ответил Мастриани.

Я всегда смотрела сквозь пальцы на его пафос и ухаживания и делала это по двум причинам: когда я приеду в офис, меня будут ждать свежайшие каннеллони, и Мастриани давали мне исключительные премии.

— Рейчел, — девушка при звуке моего голоса подняла голову от стопки бумаг. — Крепкий, двойной. — Вернувшись в офис, я решила, что начать с перерыва — это хорошая идея.

— Вас ожидают! — она кивнула в сторону конференц-зала, и я замерла.

— Хорошо. Кофе, пожалуйста, и после можешь пригласить ко мне. — За сегодня это третья кружка. Норма — пять, а день только перевалил за половину. Сняв шпильки на пять минут в ожидании кофе, я прохаживалась по высокому жесткому ворсу коврового покрытия. Это помогало прийти в норму после жары или тяжелых заседаний.

Стеклянная дверь моего кабинета с приятным шелестом отъехала в сторону.

— Спасибо, Рейчел, — не оборачиваясь, поблагодарила я секретаря. — Пожалуйста, оставь мне одну каннеллони, а остальные отнеси на кухню и убери жасмин. Мистер Мастриани никак не поймет намеков, — улыбаясь, я обернулась и застыла.

— Не хотел вторгаться, — бархатистый голос, словно красные шелковые ленты, заскользил ко мне, опутывая мои конечности. — Ваш секретарь сослалась на срочный звонок, и я имел наглость сам пройти, — в руках непрошеный гость держал кружку с кофе, которую и поставил на мой дубовый стол. Придя в себя, я выпрямила спину, опустив взгляд на мужские туфли.

— Мистер? — Он молчал, не облегчая мне задачу. — Я не могу прочитать ментально, как вас зовут, — спокойно добавила я. — Или вы хотите остаться анонимом? — догадалась я по его молчанию, и это тоже была не новость для меня. И с такими клиентами имели дела.

— Если можно, — тихо произнес он, словно боясь заговорить в полную силу. — Пока не обрисую вам суть дела и не узнаю, можете ли вы мне помочь. — Я кивнула. Усевшись за свой стол и обняв ладонями кружку горячего кофе, я сделала маленький глоток. Кофе обжигал и был непривычно крепким. Заглянув в кружку, усомнилась, что пью кофе, который варит Рейчел. Перевела взгляд на мужчину, который все еще стоял на ногах.

— Позволил себе дерзость и сварил вам кофе сам. — Поперхнувшись, я отставила чашку в сторону. — Я не привык сидеть без дела, а ждать пришлось долго.

Его широкие плечи так напоминали мне Лейфа, да и рост не уступал. Вообще молодой мужчина был схож с ним, разве что волосы темные, как у Мики. Но гость был шире Лейфа в плечах и… и я зажмурилась, уговаривая себя забыть. Забыть хотя бы до того, как вязкая темная ночь опустится на город. Только тогда я смогу позволить ожить моим воспоминаниям — и фантазии.

Осмотрев анонима с ног до головы, задала очевидный вопрос:

— И что мужчина в таком костюме может искать на моей кухне? — Его идеально скроенный костюм был сшит на заказ из лучшей ткани. Это даже не «Прада», это было лучше, дороже, шикарней. Воротник рубашки и манжеты, схваченные золотыми запонками с бриллиантами, лоснились от наличия шелка в волокнах.

— Мне вас рекомендовали.

— В отношении?

— Наследования.

— Я не работаю с завещаниями.

— Но вы выступаете поверенным у многих семей.

— Это эксклюзивная услуга для постоянных клиентов. Она не распространяется на большинство.

— Значит, нет смысла излагать детали?

— Все, что я могу, это порекомендовать своих коллег, которые специализируются в подобных делах.

— Дело в нашей утренней встрече? — Я непонимающе посмотрела на него. — Я видел вас с семьей и...

Положив локти на стол, я отодвинула чашку в сторону.

— Это не имеет никакого отношения к моему отказу. Не отрицаю, что подобное стечение обстоятельств странно, но не более. Что касается моей работы, у меня специфика дел иная.

— А если мы углубимся немного в подробности? Может ли быть малейший шанс, что у вас найдется интерес?

— Работа — это не личное. Тут нет моего интереса. Я просто не занимаюсь наследством. Это сложный и трудоемкий процесс, на который у меня просто нет времени, — чуть мягче добавила я.

— Я понимаю. Но, возможно, мы могли бы встретиться с вами в более неформальной обстановке, и я смог бы более подробно рассказать о моей проблеме? — Сведя брови на переносице, я не совсем понимала его настойчивость. Открыв рот, чтобы сказать твердое «нет», я перевела взгляд с его чернильного галстука на глаза. Они напомнили мне… сердце пропустило удар, и я перестала дышать. Поза мужчины не менялась, он оставался неподвижным, не жестикулировал, как обычно это делали клиенты. Не расхаживал по кабинету, не держал руки в карманах брюк. Он словно изучал меня. Жесты, мимику, взгляд — и так внимательно на меня смотрел, что в какой-то момент я смутилась и все же отвела глаза.

Нет. Это все моя фантазия. Этого просто не может быть. Еще в кафе мне показалось, что этот человек напоминает его, но, когда я несколько раз моргнула, наваждение прошло. Это был просто морок. Со мной такое случалось часто. Раньше. Когда раны были еще свежи и сердце сочилось тоской и болью. Но сейчас все не так. Я давно научилась заглушать больное сердце. Мои доспехи крепки и прочны. И я могу сказать, что за тринадцать лет, а это длинный срок, ни один мужчина не вызвал желание перейти к более тесному общению. Даже на ужин пойти с кем-то у меня не вызывало интереса. Все эти мужчины не могли сравниться с ним, даже близко. Все они были серы и скучны для меня. Мои душевная нежность и тепло распространялись только на детей.

— Это неуместно, — слегка охрипшим голосом ответила я. — Я не хожу на встречи с клиентами и не веду с ними бесед в неформальной обстановке.

— Возможно, я не так выразился, — при его росте и размахе плеч, при его широкой грудной клетке и вещах, которые были на нем надеты, он очень неловко себя чувствовал.

Его руки были сжаты в тугие кулаки. Он сутулился, а плечи были прижаты к шее, он словно таким странным способом пытался себя уменьшить.

— Я в городе недавно. Мало кого знаю, и мне сказали, что вы точно тот человек, кто мне нужен.

— Для того, кто в городе недавно, у вас очень странные знакомые, — сняв очки и потерев напряженную переносицу, я откинулась на качающуюся спинку кожаного кресла.

— Почему вы не пьете кофе?

— Я не принимаю напитки из рук незнакомых мужчин. — Он плотно сжал пухлые алые губы, словно пытаясь скрыть усмешку. — Вам здесь некомфортно? — уточнила я. Мужчина смотрел на меня с немым вопросом в глазах. — Здесь довольно высокие потолки, во всяком случае, выше, чем во многих стандартных офисах. Вы ссутулились, будто бы на вас что-то давит. Это можно было бы понять при вашем росте и низком потолке. Но это не так. — Он смущенно отвел взгляд и, кажется, еще больше втянул голову в плечи.

— Кажется, портной ошибся с размером рубашки, — легкий румянец коснулся его красивых острых скул.

— Увольте его и обратитесь в ателье «Опера». Там не допустят таких оплошностей, — мой совет прозвучал добродушно, и незнакомец согласно кивнул.

— Так что насчет встречи?

— Сожалею, — я развела руками. — У меня просто нет на это времени. — Он стиснул челюсти, и учитывая то, как он себя вел последние десять минут нашей беседы, этот жест

никак не вязался с его образом. Я поднялась из-за стола, молчаливо давая понять, что на этом встреча окончена.

— Подумайте, — не двигаясь с места, настаивал он. — В ресторане «Фрудиа» бронь на девять вечера. — Он не позволил мне приблизиться и проводить его. Резко вскочив на ноги, он широкими шагами вышел из кабинета, чем меня смутил. Я недоумевающим взглядом проводила его спину, пока она не скрылась за поворотом. Рейчел все еще отсутствовала.

Проработав до вечера не поднимая головы, я потерялась во времени. Меня отвлекла вибрация телефона.

— Да, милый.

— Мам, как у тебя дела?

— Все хорошо, почти закончила. Скоро буду выезжать, — в трубке было долгое несвойственное моему сыну молчание. — Матс?

— Да, я тут. Мам, — опять тишина, и я его не торопила, давая время сказать то, что он хотел. — Нас пригласили на день рождения.

— Это отличная новость, — я отвлеклась от бумаг, переведя взгляд в темнеющее окно, боясь спугнуть такой внезапный и стремительный прогресс и говорить не очень счастливым тоном.

— Но я не хотел бы оставлять тебя одну на весь вечер. Праздник начинается около восьми.

— Ну что ты, — я замолчала, хаотично придумывая, что бы такое сказать, что точно убедит сына не оставаться дома. И идея, возникшая в моей голове, была спонтанной, но логичной, и Матс ей поверит. — Меня сегодня пригласили на ужин.

— Что? — он не поверил.

— Да, ты знаешь, — я старалась говорить максимально буднично, чтобы у него не возникло ни одной мысли, что это не так. — Новый клиент хочет обсудить дело и пригласил меня сделать это за ужином. Я вернусь домой и к девяти вернусь в центр. Так что можете идти развлекаться. Уверена, вам там будет весело. Присмотри за сестрой.

— Конечно, мам. Хорошего тебе вечера. Я тебя люблю.

— И я тебя люблю, — прошептала я и нажала отбой. Складывая бумаги в нужном порядке, я не могла поверить, что мои дети пойдут куда-то без меня. Где будут общаться со своими сверстниками в неформальной обстановке. Но радоваться в полную меру не решилась, очень боялась, что Матс передумает. Ему необходимо общение, ему необходимо радоваться жизни и обычным вещам. Он слишком серьезен. Я с ужасом думала о том, что скоро школа закончится и они поедут в университет. И я боялась этого, как самого жуткого чудовища. В университете я не смогу контролировать их и следить за здоровьем, как здесь. Здесь я при любых изменениях тащила их к врачу, молясь, чтобы это не были признаки оборотов или еще чего. Что будет, если вдалеке от меня кто-то из них обернется? Что я буду делать? Как объяснять моим детям, кто они, и как им с этим жить? И где их место в этой жизни? И по факту, кроме красивых легенд, от которых мало толку в реальной жизни, я больше ничего не знаю о вуль… Встряхнув головой, прогнала эти жуткие, липкие мысли. Мои дети абсолютно нормальные. Пусть они умнее многих, выше и сильнее — это ничего не значит. Они обычные дети с исключительностью.

Мне нужно было домой, сделать вид, что я собираюсь на ужин, чтобы у Матса не было шанса передумать. Ведь я не сомневалась — сейчас он сидел в своей комнате и взвешивал все на весах.

— Мам? —раздался сверху голос.

— Да!

Мика выглянула из-за угла.

— Почему так рано? — Она распустила волосы и собрала несколько прядей заколками, чтобы они не лезли в глаза.

— У меня встреча.

Она расширила глаза.

— В такое время? — изумилась дочь.

— Что за вопросы? — выйдя из своего крыла дома, Матс поправлял волосы. Второй этаж был полностью отведен под владение детей, у каждого из них была своя сторона, я же обитала на первом. — Она взрослый человек, даже если она не приедет ночевать, то не должна ставить тебя в известность.

— Матс! — укоризненно одернула я его, чувствуя, как горят щеки. — Перестань рассуждать о таких вещах и посвящать в них свою сестру. — Мика закатила глаза и скрылась в коридоре.

— Мам, если бы ты знала, о чем они говорят в раздевалке, тебе бы было стыдно за твое невежество в этом аспекте. — Я все еще стояла у входной двери с сумкой в руках и не могла закрыть рот от шока. Матс спустился с лестницы и взял у меня из рук пальто и сумку с бумагами. Он был невероятно элегантен и статен. Светлые джинсы подчеркивали его длинные ноги, а голубая рубашка, сшитая в «Опере», выделяла ширину плеч и шеи. Портной, увидев его в конце лета, присвистнул и всю примерку восхищался его фигурой и сыпал мне комплименты. Но моей заслуги тут нет, это гены его отца. Грустная улыбка спряталась на моих губах, и сердце опять заныло. Его идеально уложенные волосы напоминали спелую пшеницу, в которой солнце играло лучами. В этом году он сам объяснял парикмахеру стрижку, и вышло намного лучше, чем я ожидала. Он казался старше, чем есть, и все в нем кричало о силе. — Кофе? — двигаясь в направлении моего кабинета, спросил он.

— Не откажусь от джина, — сняв туфли, сказала я тихо, но точно знала, что он меня услышал.

— А машина? — крикнул он.

— Вызову «убер». Не хочу нагружать Калеба. — Матс стоял в дверях моей спальни, сложив руки на груди и привалившись плечом к косяку. Когда он так делал, он был юной копией Лейфа. Отведя взгляд от сына, я посмотрела в сторону гардероба.

— Ты ведь знаешь, что это его работа, и она ненормированная, — снисходительно отметил он.

— Знаю. Не хочу, чтобы он ждал под рестораном. Вы уже выходите? — я все еще не смотрела на него, не хотела, чтобы он видел мои глаза, наполненные слезами. И, спрятавшись в гардеробной, наигранно сосредоточенно выбирала платье, смахивая слезы.

— Я был готов выйти еще двадцать минут назад. Но Мика никак не может выбрать нужную длину юбки, — он тяжело вздохнул. Ему было с ней непросто. Она уже привлекала внимание мальчиков, а Матс был вынужден охранять границы.

— Матс, пожалуйста, — произнесла я менторским тоном. Я не могла отпустить их без озвучивания правил туда, где толпа неконтролируемых подростков будет слушать тяжелую музыку и придумывать дичь, которую можно заснять на камеру.

— Никакого алкоголя, наркотиков, незнакомых напитков, стаканов из чужих рук, не садиться за руль пьяным и в машину к тем, кто выпил. Наличку взял, заряд на телефоне сто процентов, часы с собой. Вроде бы все, — кажется, ничего не забыл из моего списка необходимых правил. — И я не сведу с нее глаз. Но иногда мне хочется придушить ее и ее подружек. — Я уже успокоилась и, выйдя из гардеробной, улыбнулась.

— Ты мой герой, — прошептала я. — Повеселись. И если будешь нырять в бассейн, не забудь снять штаны, это остудит пыл, и, возможно, ты передумаешь. — Он недовольно скривил губы, а я улыбнулась. — Вам будет весело.

— Ты тоже проведи вечер с удовольствием, — он чмокнул меня в щеку и вышел из спальни.

Выбор пал на платье-футляр черного цвета с рассыпанными по нему маленькими бутонами роз, в тон к бутонам замшевые туфли и полупальто. Даже на мою фигуру шили на заказ платья-футляры.

Душ. Долой рабочий пучок. Сборы окончены вовремя, на телефон пришло оповещение, что машина ожидает.

Ощущая легкое волнение и сминая пояс пальто, я стояла у входа в ресторан, слушая, как живет город. Не люблю суету и уже привыкла жить на отшибе. Дом купила, когда детям было около двух лет, он оказался с большим участком, и там для них было раздолье. В младшем возрасте ребята были слишком подвижными, особенно Матс. Пока не научился читать. Но и сейчас он состоял в школьной команде по легкой атлетике и плаванию, а еще научная деятельность, углубленная математика, комитеты и колонка в школьной газете под его шефством. Он занимался столькими вещами одновременно, и я не переставала удивляться его многозадачности.

Мика творческий ребенок. Она пишет прекрасные стихи, картины и играет на бас-гитаре. Долгие прогулки по берегу, замирает при виде заката или ярких звезд, видит во всем детали, на которые обычный человек не стал бы обращать внимание. Любит рок. Тут, наверное, сказалось мое влияние. Когда они были маленькими, да и когда я носила их под сердцем, я слушала много рока. Это хоть ненамного помогало заглушить чувства и непроходящую тревогу.

Все же сделала шаг к стеклянной натертой до блеска двери, которую услужливо открыл швейцар и, мягко улыбаясь, ожидал моих действий.

Хостес вела меня сквозь наполненный зал, где кипела жизнь. А я так глубоко забралась в свою скорлупу, что уже и не помню всех этих ощущений. Гула голосов, запахов алкоголя вперемешку с дорогим парфюмом, взглядов, провожающих тебя.

Аноним сидел за столом уже в другом костюме, с широко разведенными плечами и прямой спиной. Ворот белоснежной рубашки был расстегнут на две пуговки. Костюм цвета баклажан очень выгодно подчеркивал его цвет волос, только сейчас я заметила, что он очень схож с цветом волос Мики; они были собраны в тугой пучок на затылке. Как непривычно для современных молодых людей, да и вообще для этого города. Здесь больше предпочитали стильные, пижонские стрижки и зализывать их гелем, как делал это Матс, оставляя пару прядей свисать на глаза. Он поднялся на ноги и, просканировав меня с ног до головы, широко и, кажется, искренне улыбнулся. Под этим взглядом мне захотелось выпрямить спину еще больше и пройти грациозней и элегантней, чем я шла.

— Добрый вечер! — он одернул манжеты рубашки. Столик в небольшом отдалении от общей толпы утопал в стене, и создавалось ощущение уединенности. Стол огибал велюровый диван черного цвета. Ткань красиво переливалась в свете хрустальной люстры, висевшей над столом. — Рад, что вы смогли выбраться, — он жестом пригласил сесть, и я выбрала противоположную сторону от него. — Что-то будете пить?

— Ирландский джин, пожалуйста, с лимоном, чистый, — хостес записала заказ и удалилась с легкой улыбкой на губах. — Итак, мистер? — Я все еще не знала его имени.

— Кейден. Кейден Кроу, — почему-то неуверенно сказал он.

— Мистер Кейден, — заговорила я, еще раз окинув местную публику взглядом. — В чем заключается ваш вопрос?

— Но вы сказали, что не занимаетесь подобными делами.

— Возможно, я смогу кого-то посоветовать вам. — Он молчал. Мои руки оказались на столе, и я свела их в замок. Мужчина смотрел мне в глаза, я чувствовала, как его сканер ползет по шее, по квадратному вырезу платья, а после к рукам, запястьям и наконец к сцепленным в крепкий замок пальцам.

— У вас двое детей, и вы не носите кольца, — это был не вопрос. Он знал, что я одинока.

— Это не запрещено законом, — уклончиво ответила я. Официантка принесла широкий хрустальный стакан с толстым дном.

— Вам что-то принести, мистер… — он не дал ей договорить, перебив:

— Мне кофе, и еще одну порцию джина для миссис Монтари, — он специально сделал эту оговорку. Что за игру он вел?

— Мисс, — поправила я его. — Вы не пьете?

— Я за рулем. Хотел вам признаться, — резко выдавал он короткие предложения. — Я уже нашел адвоката, который мне поможет. — Почему-то я расстроилась, но привычка держать лицо не позволила этого показать.

— Отлично. Тогда хорошего вечера, — отсалютовав ему бокалом, я осушила его до дна и собралась покинуть это место.

— Я думал, раз уж вы тут, мы поговорим.

— О чем? — я непонимающе хлопнула глазами.

— Есть же что-то, что вас интересует кроме работы? — В моей душе заскребли кошки, и я уже жалела, что пришла. И, решив ударить по мужскому самолюбию, чтобы сразу отбить все желание и бесплотные попытки ухаживаний или чего он там удумал, без оглядки на последствия или мужскую обиду, выдала:

— Кейден, сколько вам, тридцать, тридцать пять? Никогда не были женаты, детей нет, есть деньги, в избытке, судя по костюмам и часам, которые вы поменяли дважды за день. Этакий ловелас, иначе и быть не может, половина официанток в этом ресторане, и хостес в том числе, были в вашей постели. Решили побаловать себя дамой в годах? Ради забавы или поднятия статуса в узких кругах? Баловень судьбы, красавчик со страниц журнала, — сыпала я эпитетами, как пулемет. Его лицо было непроницаемо, и я, не зная, цепляет ли его моя пламенная речь, начала злиться. — Я никогда не хожу на подобные встречи. Мне неинтересны посредственные, зацикленные на себе мужчины. Которые ведут пустые разговоры, сыплют обещаниями, а за фасадом сплошная серость и пустота. У меня двое детей-подростков, юридическая фирма, десяток клиентов с эго, расширенным до размеров Сити, которые подбрасывают мне проблем стабильно раз в неделю. Не тратьте мое и свое время. Мне это неинтересно.

— Вас так обидел отец ваших детей? — откинувшись на спинку дивана, высокомерно заявил он. По моему лицу прошла волна жара, а в животе полыхнул огонь.

— Не смейте ничего говорить об отце моих детей. Никто и никогда не сравнится с ним. Он был лучшим, — мое горло сковало стальным кольцом, я почувствовала, как слезы подступают к глазам, но, крепко зажмурившись, сосредоточилась на злости, бушующей во мне пожаром. — Хорошего вечера! — Я профессионал и не позволю заносчивому мальчишке, а именно так он сейчас себя и вел, вывести меня из себя. Он подскочил на ноги и перекрыл мне выход, смотря на меня сверху вниз.

— Извините, это, конечно, не мое дело… Я... Не знаю, что на меня нашло. Это было низко с моей стороны. Останьтесь. Давайте поговорим на отвлеченные темы. Когда вы в последний раз разговаривали со взрослым человеком не о работе? — Его глаза, смотревшие на меня так искренне, подкупали, и я уже не чувствовала той всеобъемлющей злости и желания его задушить. Ну, хотя бы не сразу полез под юбку, как бывало, и не раз. Репутацию зарабатывать нелегко, и не все клиенты понимают, что я не торгую своим телом, а только знаниями и мозгами. Я выдохнула и осталась сидеть на месте.

— Спасибо, — очень тихо добавил он. — Еще раз извините, — он вернулся на свое место, и очень вовремя. Официантка принесла напитки. Между нами повисла неловкая тишина. Все как-то не сложилось с самого начала.

— Вы любите живопись? — неожиданный вопрос застал меня врасплох. — Сейчас проходит выставка Билинни. Вы когда-нибудь видели его картины?

— Несколько.

— И как вам?

— Это нужно увидеть, чтобы понять, — внутри меня все улеглось и успокоилось, словно и не было этой вспышки. Будто ее загасили щелчком пальца. — Это как увидеть первый раз фрески Рафаэля. Чем больше смотришь, тем больше хочется. Спустя время ты замечаешь мелочи, которые раньше не видел, и, конечно, большую роль играет возраст. С возрастом все воспринимается иначе. Музыка, картины, книги, люди... — Я замолчала на полуслове. Какого черта я сижу тут и откровенничаю?

— Если я вас приглашу, скажем, в выходные в галерею... Вы окажете мне честь? — Конечно нет. И это первое, что пришло мне в голову. — Не торопитесь. У нас весь вечер впереди, — он улыбнулся, и меня опять прошибло дымчатым узнаванием, как дежавю. Что отразилось на моем лице, не знаю, но его улыбка погасла. — Что с вами?

— Вы мне напоминаете одного человека, — пряча взгляд в стакан, пробормотала я еле слышно.

— И кого же?

— Это было в другой жизни, — я мотнула головой, в который раз заставляя себя не думать о том, о ком думала каждый божий день на протяжении всех лет без него. — И где вы познакомились с итальянской живописью? — перевела я тему. Если темы не касаются меня, то я как рыба в воде.

— Официально в Италии, — губы Кейдена дрогнули в странной гримасе. — Заочно в университете. Мой сосед по комнате учился на художественного реставратора. Его дипломная работа была основана на итальянском искусстве. Он итальянец, и летние каникулы я проводил на побережье Тосканы. — Я видела эту картину в своей голове. Да, этому мужчине подходит такой антураж. Жаркое солнце, переливающееся в его светлых волосах, оставляя в конце лета кончики совсем выжженными. В воздухе пахнет жасмином и вишней, его босые стопы упираются в золотистый песок, погружая пальцы в сыпучие кристаллы. Море плещет волнами, увлекая мелкие камушки в прозрачность и прохладу. Он улыбается и… Мой пульс подскочил. Сердце стучало в груди и норовило выпрыгнуть на стол. Я чувствовала, как кровь прилила к губам и дыхание остановилось. В моем видении, когда он обернулся, я видела Лейфа, как тогда на берегу реки. Нет. Я не могу. Не могу. Это слишком больно. Подскочив, ударилась коленом о стол.

— Я... Мне пора, — пробормотала я, и Кейден подорвался с места следом за мной.

— Подождите, — он попытался взять меня за руку, но я отскочила в сторону. За моей спиной оказалась официантка с полным подносом бокалов. Она предупреждающе взвизгнула, чем напугала меня еще больше. Резко развернувшись и прижав руки к груди, я пыталась предотвратить катастрофу. Но хрустальные бокалы на длинных ножках уже летели на каменный пол.

— Что с вами? — отскочив назад от летящего стекла, я ударилась локтями в твердую грудь и почувствовала подступившую дурноту. Голова пошла кругом.

— Не нужно, — я пыталась рукой найти опору, ладонь проваливалась в пустоту. — Это все … — Меня повело, и я осела в руки Кейдена. Уши заложило. Я словно была под толщей воды. Все было далеким и таким медленным. К моим губам прикоснулся стакан с прохладной водой. Сделав несколько больших глотков и попытавшись выбраться из рук мужчины, я потерпела провал.

— Мне пора, — он смотрел на меня, и я не понимала, что вижу в этих странных, словно ненастоящих глазах.

— Я никуда вас не отпущу, — твердо сказал Кейден.

— Мне уже лучше, — я опять сделала попытку встать.

— Где ваша машина?

— Я на «убере». — Одним движением он встал на ноги, подхватив меня на руки. — Какого черта вы делаете? Отпустите меня немедленно, — шипела я. Не обращая внимания на мои протесты, мужчина развернулся и пошел через ресторан к выходу, под его ботинками хрустели осколки хрусталя.

— Я отвезу вас домой, — поставил он меня перед фактом. За нами семенила официантка, держа в руках мои пальто и сумку.

— Ни в коем случае!

— Я же не в постель вас пригласил, — проскользнула холодком нахальность, которую он очень старался контролировать. — Давайте спишем этот инцидент на мою неотразимость, — он уверенно шагал по переполненному ресторану, от него пахло табаком, черным перцем и пожухлыми листьями. Я готова была расплакаться у него на руках от того, насколько знаком был этот запах, и при этом бежать как можно дальше, чтобы не натворить глупостей, поддавшись секундному помутнению.

— Мечтайте! — резко ответила я. — То, что произошло, называется «голодный обморок», а не ваша харизма. — Он ухмыльнулся, открыв дверь ресторана ногой, не дожидаясь помощи швейцара.

— Клоди! — позвал он кого-то, слегка обернувшись назад. — В кармане пиджака ключи от машины, — он не собирался ставить меня на ноги и выпускать из рук.

— Поставьте меня. Я могу стоять на ногах. Мне не нужно вот это все, — прорычала уже громче. Он выполнил мою просьбу — резче, чем нужно, возможно, намеренно. Мир качнулся, и меня, всего немножко, на один шаг, повело.

— Очевидно, что нет, — раздраженно бросил Кейден и попытался снова поднять меня на руки.

— Нет! — отступила я на шаг, оставаясь в кольце его разведенных рук. — Меня могут увидеть клиенты, это центр города.

— И что же такого они увидят? Что вас носит на руках мужчина? Это стыдно или унизительно? — Раздражение сквозило в каждом его слове.

— Это непрофессионально. Я не могу себе позволить подобного, — я одернула низ платья и отступила еще на несколько шагов. Поежившись от налетевшего порыва ветра и обняв себя руками, оглянулась в поисках свободной машины. На мои плечи опустилось пальто.

— Позвольте мне быть джентльменом и отвезти вас домой. Вам дурно, и вдруг вам станет плохо в машине. Что тогда? — спокойней сказал мужчина.

— Но мне может стать плохо и в вашей машине!

— Предпочитаю, чтобы мне отвечали на мои поползновения, — улыбнулся Кейден. — Весь ресторан видел нас и точно запомнил феноменальный уход, так что у вас как минимум сто свидетелей, — я все ещё раздумывала, когда зазвонил мой телефон. Отыскав его на дне сумки, нажала на зеленый кружочек.

— Да, дорогой! — я слышала музыку, доносящуюся из динамиков, но секундное молчание — и стало тихо.

— Как у тебя дела? — спросил спокойным голосом Матс.

— Все хорошо, собираюсь домой.

— Уже? Почему так рано? Что-то случилось?

— Нет, все хорошо. Как у вас дела?

— По этому поводу и звоню. Ты не против, если мы немного задержимся? — Я слегка удивилась, но сохраняла хладнокровие.

— Если вы в полном порядке и вашей жизни ничего не угрожает, то, конечно, можно.

— Спасибо, мам.

— Сообщай мне о ваших планах.

— Конечно!

Я улыбалась. Это был прогресс. Боги, какой это был прогресс.

— Все хорошо? — уточнил мой аноним.

— Да, все просто отлично, — натянув рукава пальто, которое норовило все время сползти, я обернулась к мужчине. — Я буду признательна, если вы подвезете меня. — Он поджал губы и рукой пригласил к машине. Это был черный седан. А я ожидала внедорожник. И хмыкнула себе под нос. Удивил.

Мужчина обошел машину и сел за руль. Завибрировав и мягко тронувшись с места, автомобиль вклинился в поток. Катастрофически, удушающе некомфортная тишина сдавливала уши. Сжав в руке всегда теплый кулон, пыталась успокоиться. «Ты всегда со мной», — мысленно прошептала я и стала нервно елозить кулоном по шнурку.

— Вы надолго в город? — прервала я тягостную паузу.

— Давайте на «ты»? — Он бросил быстрый взгляд на меня, оторвавшись от дороги. — Вы молодая женщина, я молодой мужчина. Мы не бизнес-партнеры, вокруг нас никого. Кто может услышать нашу беседу? — Он прокашлялся. — Пока не могу сказать точных сроков. Все зависит… — Он замолчал.

— От чего? У вас здесь любимая женщина? — вопрос был не с целью прощупать почву или нечто подобное, это просто вопрос, но Кейден ухмыльнулся.

— Нет, у меня нет любимой женщины. Вы полагаете, я из таких мужчин?

— Из каких?

— Кто, имея отношения, будет встречаться с женщинами за спиной у своей?

— Я не могу знать, какой вы, — безразлично бросила я.

— Знаете, такое бывает. Увидел глаза человека и понял, что знал его всю жизнь и ждал только его, — серьезно продолжил мужчина.

— Вы романтик? Никогда бы не подумала, — остановив руку, дергающую кулон, я выпустила его и, прихлопнув ладонью, опустила руку на колено. — Нет, не знаю, и думаю, что не хочу.

— Почему? Разве это не то, чего желает ваше сердце? — Эта фраза ударила меня в самое сердце, и я ощутила покалывание во всем теле.

— Что? — онемевшими губами переспросила я.

— Разве это не то, чего все хотят? — повторил мужчина. Я выдохнула сдерживаемый воздух и открыла окно. Свежий поток ударил в лицо, и я, прикрыв глаза, успокаивала накатывающую тошноту. Это же надо такому послышаться! Кажется, сегодня все идет наперекосяк, и вообще день странный. Слышится, мерещится. Может быть, взять пару дней отдыха, сходить на массаж, в бассейн? Свозить детей в город на ужин. Или снять в городе номер в отеле и побыть несколько дней с ними?

— Женщины же любят романтику, — ворвался в мои мысли Кейден.

— Конечно. Но мужская часть часто этого не понимает, или забывает, или вообще не учитывает как фактор ухаживаний. Так и надолго вы в городе? — вернула я разговор в безопасное русло.

— Это будет зависеть от разных факторов, — уклончиво ответил он.

— Вам здесь нравится?

— Не сказал бы. Я непривычен к большим городам и трафику. Люблю уединенность. А вы?

— Не могу сказать однозначно. Жизнь в городе — это необходимость... — И тут я сообразила, что не сообщила адреса, куда нужно ехать. А Кейден уверенно маневрировал и перестраивался в рядах в нужном направлении. Внутри меня все похолодело.

— Скажите, Кейден, а разве я говорила, куда нужно ехать? — Моя настороженность звенела в голосе напряжением. Он застыл. Дернул точеным подбородком с пробившейся к вечеру щетиной, а после все его напряжение исчезло.

— Нет. Но Маттео Мастриани, — озвучил он знакомое имя, и каждый раз, когда я слышу эту фамилию, по спине бежит мороз, — обмолвился в разговоре, что не возьмет в толк, как в черте города вы нашли подобие уединенности пригорода, — кажется, логично объяснил мужчина.

Страх, до этого сжимавший мой желудок, отступил; возможно, я уже и растеряла былую настороженность, но не стоит быть слишком доверчивой.

— Увидев дом, не смогла отказать себе в малости. И детям нужно пространство, — как всегда, удобно прикрылась полуправдой. Зачем кому-то знать, что холм, на котором стоит дом, и само строение напоминали мне о прошлом, которое сегодня терзает меня с невероятной, устрашающей силой, словно решило догнать и ударить побольней.

— Сколько вашим детям?

— На днях исполнится четырнадцать, — с гордостью сказала я, сама еще не до конца веря, что у меня такие большие дети. Кейден удивленно посмотрел на меня.

— Они двойняшки?

— Да. Мика невысокого роста, и кажется, что она младше.

— Мика? — переспросил Кейден.

— Микаэлла и Матс, — сделала я уточнение. Мужчина резко нажал на тормоз, ремень безопасности с силой прижал меня к креслу. Машина прекратила движение. Он напряженно смотрел перед собой. — Все нормально? — уточнила я, наклонившись к мужчине.

— Кажется, — осипшим голосом начал Кейден, — там была кошка.

Открыв окно и отстегнув ремень, я выглянула наружу и осмотрелась, не обращая внимания на нетерпеливые гудки водителей, которые будто целый день ждали, чтобы с силой нажать на клаксон, и, дорвавшись до желанной кнопки, тарабанили по ней, как дети по выключателю.

— На дороге пусто. Возможно, она попала под колеса? — перебирала я возможные варианты и, вернув взгляд на мужчину, поняла, что он еще не в себе. — Может, съедем на обочину? — Кожа на руле скрипнула от его хватки.

— Нет, — он встряхнулся, словно скидывая охватившее его оцепенение. — Все хорошо. Это было слишком неожиданно, — он плавно нажал на газ, и мы тронулись. — И как вы справляетесь с двумя подростками?

— Временами бывает сложно. Мика, — я замолчала и улыбнулась. — Она просто Мика. Девочки — они особенные, но Матс не спускает с нее глаз. Я рада, что они очень увлечены учебой и в общей сложности не доставляют проблем. Они понимающие дети. А Матс очень опекающий.

— В каком они классе?

— В десятом. Уже начали подготовку к поступлению в вуз.

— Учатся экстерном?

— Да. От чего становится очень страшно.

— Почему?

— У них начнется взрослая, серьезная жизнь, а они еще дети. А вы… ты? — поправила я себя.

— У меня изначально были большие цели, и я не мог позволить себе кутить и проматывать состояние. На меня возлагали надежды.

— И как? Ожидания стоили того?

— Я пока только в середине пути. Мне еще предстоит многое сделать. Но я рад тому, что состояние, которое мне оставили, я приумножил.

— Значит, все было не напрасно, — улыбнулась я.

— Как сказать, — уклончиво сказал Кейден и свернул с оживленного шоссе на более тихую улицу. Старый район. Дома тянулись вдоль улицы стройным рядом, одной высоты, с одинаковыми фасадами, крышами и окнами. Это была одна из фешенебельных улиц XVIII-

XIX веков. Улицу отреставрировали, и стоимость земли и жилья в разы превышала стоимость апартаментов в любом небоскребе в центре. Мой дом стоял в тупике, на небольшом пригорке, с самым большим участком и видом, который я не продала бы ни за какие деньги. Я не кичилась тем, где живу, и не трясла эти знанием на каждом шагу, я просто выбрала самое лучшее для своих детей.

— У моей семьи немного другие ценности, — Кейден ехал медленно, словно оттягивая момент нашего прибытия.

— Да? — искренне удивилась я. — И что же это? Кроме образования, социального статуса и наличия здравого рассудка.

— Это семья, — на выдохе отметил он и остановился перед воротами моего дома. К нам спешил Калеб, на бегу надевая пиджак. Кейден не повернул головы на подоспевшего охранника, а, застыв, смотрел перед собой.

— Калеб, это я, — открыв окно, выкрикнула я. Он замер, не дойдя до нас нескольких метров, кивнул и отступил в темноту сада.

— У вас все хорошо? — уточнил Калеб.

— Да, — кивнула я, закрывая окно.

Ворота стали медленно распахиваться.

— Охранник? — полюбопытствовал Кейден, не дергая машину вперед, а ожидая, когда сталь распахнет свои объятия и пропустит нас на территорию.

— И водитель, — для чего-то сделала я уточнение статуса Калеба. Мы проехали аллею из красных кленов и, обогнув центральную клумбу, переливающуюся зеленью изумрудного мха, остановились у двери.

— Был рад знакомству. Жаль, что вечер оказался скомканным и таким коротким, — с сожалением заключил мужчина, и я ощутила укол вины.

— Всему виной работа. Если бы я пообедала или поужинала, наш вечер сложился бы иначе. Но беседа была очень приятной. Спасибо, — попыталась я смягчить ситуацию и взялась за ручку, чтобы выйти.

— Так ты голодная? — неожиданно перейдя на менее формальное обращение, возмутился Кейден, и его тон заставил меня замереть.

— Обычная практика, хотя по мне не скажешь, — обернувшись к нему, добавила я.

— А я тебя еще и напоил! — он покачал головой. — Я даже не спросил, голодна ли ты.

— Я взрослый человек и могу о себе позаботиться. — Опять потянувшись к ручке двери, я замерла. Яркая мысль мелькнула вспышкой молнии или росчерком яркого света. И, не удосужившись опереться на холодный разум или привычную и свойственную мне настороженность, слова вылетели из моего рта быстрее, чем я успела подумать.

— Не хочешь зайти? — Внутри меня все застыло от того, как прозвучала эта фраза, словно я так делаю всегда. Каждые выходные приглашаю к себе всякого, кто меня подвозит. — Ты только не подумай ничего, — тут же кинулась я оправдываться. — Ты первый мужчина кроме Калеба, кто зайдет в эту дверь. Все получилось так скомканно, и я чувствую себя виноватой. Из-за меня ты потерял такой прекрасный осенний вечер.

— Не нужно объясняться. Даже если бы я был не первым, это меня не касается. Ты взрослый человек. — Мое лицо пылало как костер.

— В холодильнике есть отличные стейки.

— Это был ключевой аргумент, — улыбнулся Кейден и, выйдя из машины, помог мне выбраться из нее. — Твой дом — это что-то, — прищелкнув языком, заметил он, оглядываясь.

— Без преувеличения, это жемчужина города, — ухмыльнулась я, открывая дверь и на ходу по привычке снимая туфли. Из маленького коридора мы попали в гостиную, столовую и кухню. Сто двадцать квадратов открытого пространства, с потолками высотой семь метров и стеклянной куполообразной крышей, разделенной ребрами черных балок, крепко поддер-

живающих прозрачное брюхо. Это была точная копия купольной крыши в доме Касса, но я, конечно не буду этого упоминать; когда я приходила в гостиную, мне казалось, что где-то в соседней комнате у камина сидит Лейф и ждет, когда я приду к нему. Часть стены, что выходила на холмы, я заменила на стеклянные складывающиеся двери.

Кейден замер.

— Каждый раз дух захватывает, — видя его замешательство, я нарушила тишину и заглушила свой эмоциональный фон. — Холодильник в твоем распоряжении, я скоро вернусь, — я не была уверена, умеет ли мужчина готовить, но предпочла оставить его с этой задачей наедине. Нетипичное поведение, даже можно сказать утвердительно — опасное, и все же я со спокойным сердцем оставила мужчину одного и ушла в спальню. Я, кто видел нападения на женщин, то, как скрывали следы этих нападений и даже преступлений, вела себя безалаберно, и от свободы и легкости меня пробирал холод. Меня не коробило от обычных вопросов. Я спокойно могла рядом с ним дышать — и это не причиняло боль, — не чувствуя себя предательницей. Я не хотела рядом с ним все время держать спину прямо, а плечи расправленными.

Переодевшись в домашний костюм и собрав волосы в небрежный пучок, вернулась на кухню, где кипела работа. На острове было накрыто на двоих. Мясо шкворчало на сковороде, распространяя по дому умопомрачительный запах. Желудок свело от предвкушения. И я порадовалась, что Кейден все же умеет готовить.

КЕЙДЕН

В этом доме она всюду. Контролирую каждый вдох и выдох, чтобы не впасть в бешенство и не разбить здесь все. С усердием и сосредоточенностью я рвал листья салата, пытаясь разглядеть их в деталях, но проклятые линзы сделали меня на двадцать процентов менее зорким. Я не видел тончайших прожилок на листе, а мне это очень нужно, чтобы отвлечься. Мне необходимо отвлечься!

Я слышал женскую легкую поступь. Закрыв глаза, видел через стены слегка подсвеченный образ. Кожей ощущал, как ее ноги касаются гладкого мраморного пола, как легко они скользят по нему. В ореоле вечернего освещения она вплыла в гостиную. Слишком мягкая. Чересчур расслабленная. С загадочной, еле уловимой улыбкой. Ее губы! Я смял салат в руках, и он превратился в тряпку, хрустнув в моей ладони.

Сердце замерло! Желудок сжался, и желчь подступила к гортани. Женщина замедлилась. Софит осветил ее волосы, собранные в небрежный пучок. Все так же неповторимы и напоминают спелую, сочную вишню, которую хочется расплющить пальцами и наблюдать за красным, липким нутром, стекающим по коже.

Ее губы, мучающие меня столько лет, обещающие мне в снах греховное падение и смеющиеся над моими слабостями, мечтами и фантазиями. Она облизывает их кончиком языка и бросает на меня короткий взгляд, в нем есть та самая влюбленная поволока, что многих мужчин свела с ума. Сглотнул. Неужели она ничего не ощущает? Не понимает, как ее изменившаяся стержневая уверенность ломает всю картину? Я был перевозбужден, как мальчишка, и мое вожделение растеклось по комнате. Я старался держать его в узде, но ее слишком много. Все еще задерживая дыхание, я наблюдал.

Остановившись у полки, она по-лебединому вытянула шею, оголяя ее передо мной. Я видел, как билась сине-зеленая жилка под ее белой тонкой кожей. Удивительно при наличии стольких солнечных дней здесь, ее кожа не имела даже намека на загар, только веснушек стало больше. Повышенное слюноотделение при воспоминаниях о том, какая она сладкая, атаковало меня, и, как голодный пес, я сглатывал все. Все, что она мне могла предложить тогда. А это крохи с ее стола, отсыпанные мне, и то по чистой случайности. Волк ударил меня в грудную клетку, и я сморщился от боли.

Женщина сосредоточенно выбирала что-то на полке, скользя маленькими пальчиками по бумаге, от которой пахло плесенью и пылью, и это перебивало ее запах. Кожа на ее шее

гладкая и сладкая, и я опять бесшумно сглотнул комок слюны. Она даже не подозревала, что я могу достать ее одним прыжком.

Из колонок зазвучал саксофон, и женский глубокий тембр запел на испанском. Наполнив легкие воздухом до боли, я призывал все свое самообладание и заталкивал рычание волка, рвущееся из моей глотки, так глубоко, как мог. Этот ублюдок не хотел мне подчиняться и требовал свою женщину, вечно готовый стелиться ковриком под ее ноги. Я не мог так подставиться сейчас. Терпение, мне нужно терпение. Ненавижу себя рядом с ней — и эмоции, которые чувствую к ней.

КОДИ

Желудок урчал от аромата, витавшего по гостиной. Кейден очень сосредоточенно рвал листья салата. Рукава рубашки, закатанные по локоть, оголившие кожу и вены натруженных мужских рук, заставили зависнуть на несколько мгновений. Просто полюбоваться, не более. Его нахмуренный лоб и брови выдавали задумчивость и сосредоточенность.

— Задумался над теорией Паскаля? — усаживаясь на барный стул, уточнила я. Он оторвался от салата.

— Теория вероятности очень занимательная штука. В университете за покерным столом мы часто ее проверяли, — он прокашлялся.

— Ты азартен?

— Только если дело касается скачек, — улыбнулся мужчина, поднимая на меня взгляд, и от этой улыбки черты его лица разгладились. И у меня опять что-то трепыхнулось в груди, мгновение узнавания.

— Ты гонишься за победами? — отводя глаза, тихо спросила я, прогоняя призраков прошлой жизни. Почему любая наша тема уходила от первоначальных вопросов и возвращалась к личному, слишком личному?

— Нет, ни в коем случае. Лошадь не может стоять в стойле, особенно скаковая, — знакомые образы всплывали в памяти, причиняя боль, и мне показалось, всего на секунду, что я ощутила запах луговой травы, сена и костра.

— Ты занимаешься этим профессионально? — уточнила я севшим голосом, отворачиваясь и пряча набегающие слезы.

— У меня есть команда жокеев. Сам я участвую только в любительских скачках, — Кейден выложил два истекающих соком куска мяса на тарелки, и на каждый прожаренный стейк по кусочку белого, ароматного сливочного масла. Через секунду оно начало оплывать, делая поверхность мяса глянцевой, а сверху он присыпал стейки крупными кристаллами соли.

— И какой призовой фонд?

— В прошлом году я не участвовал в кулачных боях. Это и был приз на скачках. Дать возможность выиграть кому-то, кроме меня, — довольно себялюбиво прозвучало его заявление.

— В каком интересном месте ты живешь! — заметила я, не утаивая настороженности.

— Это традиции, которые чтят в нашем городе. Городское развлечение, — игриво добавил он, неестественно махнув рукой. — Вот у вас принято отмечать Хэллоуин, вы наряжаетесь в монстров и ведете себя предельно странно. А у нас в округе немного другие праздники, — он сел напротив меня и нарезал тонкие слайсы мяса.

— Очень вкусно, — жуя, похвалила его кулинарные навыки, не углубляясь в традиции его города.

— Спасибо. Пусть и поздно, но я проявил должную внимательность, — он подмигнул мне. Кажется, между нами что-то происходило? Это ощущалось струной, которую накручивают на гриф гитары, и чем больше времени мы проводили вместе, тем сильней она натягивалась.

— И почему у такого кулинара, спортсмена, бизнесмена нет дамы сердца? — наколов часть алого помидора черри на блеснувшие сталью зубцы вилки и отправив овощ в рот, зажмурилась от удовольствия.

— Есть парочка причин, — пробурчал мужчина.

— Только не говори, что, когда ты был угловатым подростком, кто-то жестоко обошелся с твоими чувствами, и теперь ты мстишь женскому роду, лишая их шикарной возможности хотя бы есть твои стейки? — Мои губы растянулись в широкой ухмылке. Кейден отрезал кусок мяса и не спеша жевал его, игнорируя мой вопрос с насмешкой. Я ждала ответа. Мне было дико интересно, права я или нет. Он откинулся на спинку стула и, сложив руки на груди, вздохнул. — Что? — изумилась я. — Я права?

— Нет. По сути, она и не знала, что есть чувства. Возможно, догадывалась, но я был слишком молод, чтобы проявить настойчивость или показать себя мужчиной. Я был не готов к ее багажу и шагам, которые нужно было сделать для ее счастья. И у нее в жизни был сплошной бардак. Тогда из этого бы ничего не вышло.

— Так это неразделенная любовь? — спросила я чуть тише.

— И да и нет. Я-то знал, что чувствую, и находиться каждый день рядом с ней — это было пыткой, особенно когда понимал, что засыпает она в объятиях другого, — он говорил с холодной интонацией, но его мимика и глаза выражали нечеловеческую тоску и боль.

— Ты все еще любишь?

— И буду, до конца своих дней. — Мое сердце опять заныло от боли и такой же тоски, что монотонно точила и терзала меня и мелькнула в его глазах. Это было откровение незнакомца, а казалось, что мы всю жизнь знали друг друга и просто встретились спустя много лет. Мы замолчали, каждый думая о своей тоске.

— Кофе? — прогоняя оцепенение, спросила я. Кейден задержал свой взгляд на моей улыбке. Я старалась вложить в нее свое сочувствие и выразить понимание его боли и потере и в тоже время безмолвно извиниться за то, что залезла, как червь, в незаживающую рану. — Я сварю, — бодро добавила я, соскальзывая со стула.

— Турка? — удивился Кейден.

— Да, меня научил… — я не продолжила, отвернувшись к плите. Привычка варить кофе в турке въелась в меня, как запах Лейфа. Пусть он много лет не касался меня, но, если зажмуриться, отключить сознание, я услышу его аромат. Лес, мокрая хвоя, дым костра, туман с проседью между влажными стволами и соскальзывающие с кончиков иголок в бархатистый изумрудный мох капли дождя.

Мы переместились на мягкий диван, откуда открывался вид на лес и холм, стекающий к подножию ночного города.

— Вкусный кофе, — Кейден отсалютовал мне чашкой, а я не приняла это за комплимент. — А ты все еще любишь? — охрипшим непонятно из-за чего голосом спросил он. Холодок пробежал по телу, и я не сразу нашлась что сказать.

— Странный вечер, тебе не кажется? — выдала я вопрос вместо ответа.

— Иногда с незнакомцем поделиться проще. Ведь мы больше не встретимся. Твои тайны уйдут со мной, а мои останутся с тобой. И никто ничего никому не должен, — он говорил тихо, слова казались темными, тяжелыми, исходившими из его солнечного сплетения, каждое, как капля в колодце, разносилось жутким эхом пустоты внутри меня.

— Я заставила себя забыть, — прошептала я, маскируя свою громкую, как атомный взрыв, муку шепотом. — Это как кол в сердце. Он все время сидит там. Невозможно вынуть его, потому что я собственноручно туда его загнала, — машинально нашла кулон на кожаном шнурке и сжала в дрожащих пальцах. Руны, значение которых я не знала, успокаивали, как только я ощущала исходящее от них тепло.

Мой телефон зазвонил слишком неожиданно и даже противоестественно.

— Да-а! — протянула я с улыбкой.

— Мам, ты не заберешь нас? — Матс был слегка взволнован.

— Что-то случилось?

— Мы на шоссе, у меня пробито колесо, но все хорошо. Я съехал на обочину и выставил знак.

— Конечно. Скинь геолокацию, — беспокойство охватило меня в считанные секунды. В моей голове пронесся десяток сцен, что может случиться с моими детьми на темной трассе. И все, чего я сейчас хотела — как можно скорее добраться до них и убедиться, что они в полном порядке.

— Кейден, спасибо за вечер. Это правда было здорово. Но мне срочно нужно ехать, у детей пробило шину на дороге, — затараторила я, совершенно теряя интерес к мужчине и нашим беседам, включаясь в режим «турбо» матери.

— Давай я тебя отвезу, это будет быстрей, — поднявшись на ноги и отставив на столик кружку с недопитым кофе, нашелся гость.

— Нет. Я вызову водителя.

— Он наверняка уже отдыхает, — настаивал Кейден.

— Хорошо, я быстро, — согласилась я без особых раздумий. У меня нет времени на рефлексию, я нужна своим детям. Сейчас.

В машине я пыталась отстраниться от того, что случилось между нами с Кейденом, и опять выстроить стену, что была еще на утренней встрече. Я не хотела, чтобы дети видели мою заинтересованность в каком-то мужчине, кроме того, который мне их подарил, мне казалось, что я их предаю или нарушаю верность их отцу. Я не хотела, чтобы они видели меня растерянной, с глупым взглядом и румянцем на щеках. А именно так я сейчас и выглядела. От каждого мимолетного взгляда Кейдена и напряжения, разливающегося между нами и вокруг нас, я начала скукоживаться, как сахарная вата от прикосновения горячих губ. Сжимая в руке теплый кулон Лейфа, я закрывала эмоции и чувства, беря все под контроль, каждый мускул, каждый взгляд.

— Осталось немного. С ними все будет хорошо, — подбодрил меня Кейден.

Я попыталась сказать хоть слово, но язык прилип к небу. Выдавив нервную улыбку и закусив губу, смотрела на дорогу, как инспектор, выискивающий черепах, переходивших дорогу. В свете фар мелькнули мигающие габариты «Джипа» Матса. Они стояли на обочине немного в стороне от машины, как я их и учила. Мика вся скукожилась и потирала плечи, я предполагала, что в ней процент крови Лейфа меньше, чем в Матсе, который никогда не мерз.

Кейден развернулся и припарковался чуть дальше. Выскочив из машины и подбежав к детям, я осмотрела их с ног до головы, щупая и проверяя руками целостность костей.

— Мам! — с ноткой возмущения и снисходительной улыбкой воскликнул Матс. — У нас просто лопнула шина. С нами все в полном порядке, мы даже не пьяны.

— Я замерзла, — трясущимися губами объявила Мика, и по тону ее голоса я поняла: она сожалеет, что поехала на вечеринку. Сняв с себя пальто, накинула ей на плечи. — Спасибо, мам, — она уткнулась ледяным носом мне в шею. — Пахнет стейком и еще чем-то интересным, — прокомментировала дочь, втянув воздух.

— Запаска есть? — раздался голос Кейдена, про которого я забыла. Точнее, я не предположила, что он еще здесь и что он вообще выйдет из машины. Дети обернулись. Неловкая пауза почему-то вгоняла меня в дикий стыд.

— Ребята, — язык просто отказывался слушаться, и слова выходили невнятными, я не понимала, что нужно сказать и как вести себя. Улыбаться? Быть безразличной? Свести все к шутке? Придумать легенду? Почему я так напрягаюсь? Кажется, мое лицо свело параличом! Я не могла перестать растягивать губы в улыбке и нервно то ли кашлять, то ли хихикать.

— Кейден! — представился мужчина и протянул Матсу руку для пожатия. Сын вышел вперед, расправив плечи и немного прикрывая меня и Мику. Опустив руку на его плечо, я сжала напряженные мышцы.

— Все хорошо, — спокойно произнесла я, четко ощущая вибрации вокруг, как когда-то от Лейфа. Страх взметнулся во мне тревожным трепетанием огня. Я все время волновалась и тревожилась, каждый день, каждый час, когда поняла, что мои дети не унаследовали моей крови в достаточной мере, чтобы быть людьми. Чистая случайность, такая как эта, может спровоцировать Матса на оборот, и я старалась не создавать никаких ситуаций, которые могли бы их взволновать. Отсюда запрет на алкоголь в любом виде. Запрет на драки и агрессивный спорт. Я делала то, что могла, и, как думала, верно. Пауза затянулась, и тут неожиданно моя рука ощутила, как его плечи расслабились. Матс ссутулился и ответил:

— Есть. Но я не могу найти ключ.

— Сейчас принесу, — Кейден открыл багажник своей машины и стал греметь железом.

— Мамуля! — заговорщически зашептала Мика. — Кто это? — она хитро улыбалась.

— Мика! — оборвал ее Матс. — Это не твое дело!

— Может быть, вам сесть в машину? — предложил мужчина, сканируя взглядом Мику и меня без пальто.

— Да, мам, идите в машину, — поддержал его Матс, и мне стало неуютно от того, что меня исключили из этого общества. Микаэлла все еще тряслась от холода, и я повела ее в машину Кейдена, усадив на заднее сиденье.

— Где вы познакомились? — дочь поиграла бровями.

— Тише, — зашипела я, стягивая с нее пальто. — Все потом, — надев пальто и оставив Мику в машине, я наблюдала со стороны, как мужчины меняют колесо. И это зрелище вызывало у меня непрошеные слезы. Сегодня действительно был странный день. Возможно ли, что моим детям, а особенно сыну, не хватает мужского внимания? Что, если я душу их своей гиперопекой и повышенной тревожностью? Что, если это я сделала Матса взрослым не по годам, рациональным, серьезным и полностью контролирующим свою жизнь и расписывающим ее на несколько лет вперед, только из страха, что он станет как мой отец или, не дай бог, как Джек, а Мику — витающей в облаках, творческой во имя того, какой кроили меня? Что, если это только мои нереализованные амбиции подростка и детскость, мое попустительство в прошлом и неудачные отношения сделали то, что сейчас мои дети — вовсе не дети для мира вокруг нас? Что, если я не справлюсь, когда произойдет инициация? Что тогда станет с их жизнью? Как рассказать им о том, кто они? Как вообще уместить в их жизнь то, что они не люди? А если я совершила ошибку, лишив Матса его природного предназначения? И я сейчас не про то, что он сын короля. Боги, мой сын принц! Почему я только сейчас осознала это, смотря, как он, прислушиваясь к советам Кейдена, меняет колесо?

Паника булькнула в горле всхлипом, и, отвернувшись от мужчин, я закрыла рот рукой.

Я оттягивала момент осознания намеренно, создавая вокруг себя иллюзию нормальности? Нет, я просто... просто не знаю, как правильно это сделать. В теории я знала, что инициация вервульфа происходит в семнадцать лет. Скрываясь в домах одиночек, я не очень много успела получить напутствий. И я была в панике, ужасе и непринятии смерти Лейфа, так что вообще смутно помню те четыре месяца, проведенные в бегах. По сути, все в жизни молодого вульфа могло спровоцировать инициацию, потому что они ощущали мир иначе. Я до боли закусила губу и скрутила пояс пальто вокруг пальцев, стискивая его до рези на коже.

«Броль, помоги!» — взмолилась я, всматриваясь в фигуру Мики, которая, кажется, уснула.

— Все готово, — сообщил Кейден, вытирая руки влажными салфетками, и их белая ткань мелькала в темноте слишком ярко.

— Спасибо. Я сейчас разбужу Мику, и мы поедем.

— Не нужно, пусть спит. Я отвезу вас домой. Матс поедет за нами. Мне так будет спокойней.

— Это уже наглость с нашей стороны. Скоро утро, а ты все еще возишься с... — Он сделал несколько шагов в мою сторону, а я отступила, прижимаясь спиной к машине.

— Садись в машину, — с нажимом сказал он, распахивая для меня дверь, и я плюхнулась на сиденье.

Матс поехал следом. Неловкость, повисшая между мной и Кейденом, и мучительное непонимание, о чем говорить, давили на грудь. Меня стало раздражать, что я тут оказалась, что пригласила мужчину домой и вела задушевные беседы, что даже пыталась флиртовать или что-то типа того. Меня стали бесить я сама и моя глупость. Отвлеклась на секунду — и вот что случилось. Вопрос, который должен был возникнуть в голове раньше, только сейчас пробился сквозь взмывшее впервые за много лет конфетти. А почему у Матса нет ключа для колес?! Я точно помню, как положила его туда, когда мы купили новый комплект шин. Или не положила? Уверенность в том, что я сделала передвижение ребенка максимально безопасным, стала покидать меня стремительней, чем дым от костра, улетающий в небо. Нет, нельзя расслабляться, мне нельзя плавать в облаках. Я должна быть сосредоточена на детях и работе. Как только я позволяю себе расслабиться, все выходит из-под контроля.

— Ты воспитала прекрасного мужчину, — неожиданно ворвавшись в мое самоедство, похвалил Кейден.

— Ему только четырнадцать. Время покажет, — холодно обрубила я.

— Это видно, поверь мне. Как он говорит, о чем говорит, как себя ведет, как рассуждает. Ты проделала колоссальную работу.

— Спасибо.

— А как он водит машину? У него уже есть права? А у Микаэллы?

— Получил неделю назад.

— Что-то случилось?

— Нет. С чего ты взял? — я сдержала рвущееся наружу раздражение и улыбнулась, нервно заправив за ухо несуществующую прядь волос.

— Ты выглядишь раздраженной!

— Не стоило всего этого делать, — затараторила я, чтобы сразу расставить все точки над «и», пока мой запал и злость на себя и на этого мужчину не схлынули. — Если бы я ушла сразу или, следуя своим правилам, вообще никуда не пошла... Все было бы нормально. Я пятнадцать лет живу по строгим правилам, и это всегда работает. — Мои щеки пылали. Грудь часто поднималась от мелких вдохов, а голова кружилась.

— А что мы сделали? — нахмурившись, спросил он. — Поужинали? Или общались? Ты просто испугалась за детей. Адреналин сейчас войдет в норму, и все не будет казаться таким катастрофическим, — говорил Кейден, словно я ребенок.

— Я не хочу тебе грубить, — прорычала я. — Ты очень выручил меня сегодня, трижды. Но это не адреналин. — Наконец-то показались ворота нашего дома. Мне хотелось на ходу выскочить из этой машины. Я вся чесалась и горела. Мне было тесно рядом с этим мужчиной. Я задыхалась.

— Я не хотел тебя обидеть, — спокойно и примирительно продолжил Кейден, притормаживая. — Но ты не делала ничего предосудительного. Ты отдыхала, проводила время с другом и просто расслабилась.

Я ухмыльнулась.

— Да, и это мне стоило…

— Огромных усилий! — перебил он меня, злясь. — Учитывая, какой жизнью ты жила! — воскликнул он, словно не верил ни единому моему слову. Я ошарашенно уставилась на него.

— Я жила нормальной жизнью. Если я не водила толпы мужиков в свою постель и не распылялась налево и направо — это не значит, что я ненормальная. И ты точно не тот человек, который будет меня осуждать за мой выбор, — отстегнув ремень безопасности, я выскочила из машины. Кейден вышел следом.

— Ты меня неправильно поняла, — пытаясь преградить мне дорогу, начал для чего-то объясняться он. Потянув Мику за локоть, я тащила ее мягкое тело вверх, пытаясь быстрей прекратить этот разговор.

— Ни к чему объясняться. Мы больше с вами не увидимся.

— О, теперь мы на «вы»? — с улыбочкой возмутился он и ударил ладонью по крыше машины. Мое сердце встревоженно пропустило удар, и я замерла на несколько секунд.

— Спасибо за помощь, мистер Кроу. Спокойной вам ночи и всего доброго! — холодно и отстраненно произнесла, не повышая тон. Наконец-то вытащив дочь из машины, я подтолкнула ее в плечо, указывая подбородком направление движения. Уйдя, я даже не обернулась. Внутри меня все горело огнем от злости и возмущения. Я готова была его разорвать, и если бы не дети, то разговор бы точно вышел за рамки приличия. Пульс стучал в голове, и я напряженно сжимала кулаки.

— Мам, что случилось? — сонно спросила Мика.

— Ничего, детка, — как можно ровнее сказала я. — Иди спать. — Она медленно побрела по лестнице в свое крыло.

— Мам! — раздался за моей спиной голос Матса. — Все хорошо?

— Да! — проведя по волосам дрожащей рукой, пробубнила я в ответ. — Все замечательно.

— Машина в гараже, я спать, — поднимаясь следом за Микой по лестнице, сообщил Матс.

— Хорошо... все просто хорошо... — повторяла я чуть тише, наблюдая за спинами детей. Матс обогнал Мику на ступенях и потрепал ее по волосам, она фыркнула и отпихнула его ладонь. Он хохотнул и вприскочку убежал к себе в спальню.

Мощный взрыв злости и агрессии снес в моей голове пару балок. Меня трясло и лихорадило. По привычке для успокоения потянулась к подвеске, но шея оказалась пустой. Но ней ничего не висело. Я провела рукой еще раз и снова — ничего. Подбежав к зеркалу, осмотрела себя. Пусто. Лихорадочно начала соображать, где последний раз держала кулон в руках. Кажется, что сознание специально все меняло в моей голове местами.

Выбежав во двор и упав на колени, я шарила руками по подъездной дорожке, где стояла машина Кейдена. И ничего не нашла. Подняться с колен не смогла. Ударив кулаком по дорожке, я позорно разрыдалась.

Связь с Лейфом — единственное, что возвращало меня к нему и не давало забыть, что между нами было, — это кулон, он — голос в моей голове, и я... я его потеряла. Так же, как и Лейфа. Где-то, когда-то. Это то, что меня успокаивало, то, что давало мне сил бороться, двигаться — и теперь я потеряла свою суперсилу.

Глотая горячие слезы, я шарила слепыми глазами по земле, надеясь на чудо.

КЕЙДЕН

Черт! Черт! Черт!

КОДИ

Утро было невыносимо тяжелым. Тело отказывалось подниматься с кровати. Глаза опухли от тонны пролитых слез, а голова гудела, как двигатель самолета. Чувствовала я себя отвратительно и все еще возвращала руку к пустой шее, каждый раз плотно сжимая челюсти. Сделав пару звонков, я все же вытащила себя на кухню.

— Мамуля! — весело воскликнула Мика, и я поморщилась от боли в ушах. — Ты сегодня дома?

— У меня к вам есть предложение, и если вы не согласитесь, то я… — Я замолчала, придумывая кару для детей, и, не найдя в своей голове ничего гениального, удрученно добавила: — Сделаю все одна. — Дети смотрели на меня выжидающе. Матс с кружкой кофе и книгой сидел на том же месте, где вчера Кейден. Забыть! Вычеркнуть! Ничего не было. В нашей жизни ничего не поменялось. Мы живем как жили.

— Я забронировала нам номер в «Ритце» на три дня. Отдохнем, поплаваем в бассейне, сходим в баню, на шопинг. Забронируем столик где-нибудь и просто погуляем по городу, сейчас так красиво. Вы скоро уедете, и я останусь одна, — жалобно всхлипнула я.

— Хорошо, хорошо, — Мика спрыгнула со стула и, обняв меня за шею, поцеловала в щеку. –Тебе не нужно нас уговаривать, — она скосила предупреждающий взгляд на Матса. — Да, брателло? Мы согласны. — Я была благодарна своим детям за понимание и за то, что они делали вид, будто ничего вчера не слышали. — Где твоя подвеска? — отстранившись от меня, спросила Мика.

— Кажется, — охрипшим голосом выговорила я, и мой подбородок предательски задрожал. — Кажется, я ее потеряла. — Мика сжала меня в утешающих объятиях. — Выезжаем через час, — пробубнила я в плечо дочки, решив не завтракать дома, а сходить на бранч в гостинице.

Третий бокал «мимозы» настроил меня на нужный лад.

— Куда хотите сходить? — Дети подняли головы. Матс от книги, Мика от телефона.

— В парке открылась чайная, среди вековых сосен. Говорят, там уютно, — предложил Матс. Мой прекрасный сын. Иногда я боялась им восхищаться даже мысленно. Он не позволял говорить ему комплименты или хвалить вслух. И то, что он часто не мог расслабиться, меня беспокоило. Меня много что волновало. Тревога никогда не оставляла меня, я с ней срослась, или она запустила свои корни во все мое нутро. Иногда было лучше или хуже. Но моя тревожность была выше, чем у нормального человека. И это приводило к тревожному расстройству, трудоголизму, желанию все контролировать и содержать дом в идеальной чистоте. К нежеланию общаться с внешним миром, изолированию себя от всего, кроме детей и работы. — Мам? — позвал меня Матс.

— Прости, — я смахнула скатившуюся по щеке слезу и, улыбнувшись, протянула руку, погладив его гладковыбритую щеку. Когда они успели так вырасти? — Я вас так люблю. Вы моя жизнь, — всхлипнув, сказала я.

— Сюда идет официант с «мимозой», и я его прогоню, — напряженно произнес Матс.

— Когда мама расслаблена, она может гулять по магазинам до самого вечера, — одернула его Мика, а я хохотнула.

— Просто я не могу тебе отказать, — сжав руку дочери, на выдохе сказала я. — И видя, как сияют твои глазки, я счастлива. Это лучшая награда для меня, а четвертый бокал «мимозы», — взяв бокал в руки, прошептала я тихо, — может навести вашу маму на мысль зайти, например, к «Картье»... — Мика запищала и захлопала в ладоши.

— Это слишком! — возмутился Матс. –Такие траты совершенно ни к чему.

— Взрослый тут я, и я знаю, что мы можем себе позволить. Вы уедете в университет, и я хочу, чтобы у вас было что-то, что вы сохраните на всю жизнь в память о своей юности. Просто позволь мне вас побаловать.

— Мам! — пытался вразумить меня сын. –Ты и так изрядно потратилась на машину и подготовительные курсы, а впереди учеба.

— Слава Богам, мы можем себе это позволить, — я уже пригубила свой бокал с коктейлем.

— Ты всегда так говоришь? — неожиданно спросила Мика.

— Просто выражение, — пожала я плечами.

— Но ведь мы католики?

— Да, детка, — отмахнулась я, кивая. — Не бери в голову.

— Ты читала Достоевского? — отвлекшись от страниц книги, спросил Матс сестру.

— Да! — Мика передернула плечами. — Мне еще долго будут сниться кошмары. А ты уверен, что нам это все нужно прочитать?

— Да, Мика. Можешь зайти на сайт университета и посмотреть сама. Поверь, если ты это сделаешь сейчас, потом у тебя будет время на что-то другое. Например, ходить по коридорам универа и светить «Картье», — попытался воззвать к ее совести Матс, очень тонко намекнув на мою расточительность.

— Пф-ф-ф, — фыркнула дочь. — Ты думаешь, мы там такие будем одни?!

— Я не планировал выделяться из толпы, — закрыв книгу и нажав пальцами на уголки уставших глаз, ответил Матс. Освещение тут правда не располагало к чтению.

— Сказал четырнадцатилетний парень ростом со взрослого мужчину, за рулем собственной тачки и поступающий в университет на несколько лет раньше, — улыбаясь, отбила его нападку Мика.

— То, в чем вы ходите, на чем ездите и где живете…

— Не характеризует нас как личности, — продекламировали они хором то, что я внушала им с детства.

— Молодцы, — слишком восторженно воскликнула я, хлопнув в ладоши. — Ну что? Вперед, навстречу приключениям? — бодро объявила я, чем вызвала улыбку сына.

Осень выдалась на редкость богатая теплыми днями и поистине яркими красками. Парки, аллеи, бульвары утопали в пожарах, переливающихся бликами роскоши гранатового и охры. Пыльные, осязаемые лучи солнца подсвечивали кусты пряного кустарника, листья которого светились лимонной желтизной, напоминая золотые диско-шары. Всюду пахло кострами и дымом, влажной древесной корой и сдобой. Дворники шуршали листьями, сгребая их в кучу, и это был звук ливня.

По пруду скользила пара уток с небольшим выводком. Утята давно были не желторотыми птенцами, а оперяющимися уточками, гордо следовавшими за родителями по черной глади воды. Как давно я не проводила здесь время, уже и не упомню. Все казалось совершенно незнакомым, хотя я проезжала мимо парка каждый день по дороге на работу и с работы. Мика, оторвавшись от нас, все так же по-ребячески подбежала к воде, как делала это в детстве, и начала кидать хлебные крошки уткам. И когда только успела хлеб взять?

— Мам, — ведя меня под руку, заговорил Матс. — Что вчера случилось между тобой и Кейденом? — Ноги слегка сбились с размеренного шага. Неожиданный вопрос.

— Ничего стоящего твоего или моего внимания, — попыталась с улыбкой соврать я, но горечь в голосе не скрылась от тонкого слуха сына.

— У вас с ним близкие отношения? Он тебя обидел? Он ухаживает за тобой?

— Нет! — воскликнула я, испугавшись таких выводов. Остановившись посередине пешеходной дорожки, я заглянула в его глаза, где плескалась тревога вперемешку с нежностью. — Ничего такого. Он обратился ко мне с просьбой. Но я такие дела не веду, о чем ему и сказала. А потом как-то так вышло, что я очутилась на ужине с ним... Это был не ужин в полном понимании этого слова... Строго говоря, это были два бокала джина... А затем он меня подвез, позвонили вы, а дальше ты знаешь, — выпалила я скороговоркой, развеивая тревожные мысли Матса. Он нахмурил лоб. — А что? — Мы двинулись дальше вдоль озера.

— Не знаю, — он пожал плечами. — Он мне показался надежным и каким-то своим, от него не пахнет опасностью.

— Что значит не пахнет? — настороженно уточнила я, затаив дыхание и с ужасом ожидая ответа. Матс явно смутился и молчал с минуту, а потом все же сказал:

— Иногда я чувствую от людей, знаешь, эмоции, что ли?.. И редко когда ошибаюсь в своих ощущениях, — он был растерян, я это слышала по интонации, видела по выражению

лица. Сейчас он был так похож на себя маленького, испуганного, растерянного и сомневающегося.

— Это называется интуиция, — улыбнулась я как можно естественней, а мышцы на щеках дернулись от напряжения. — Она у тебя хорошо развита, как у… — Я не смогла произнести имя в миллиардный раз вслух.

— Знаешь, ты посвятила свою жизнь нам. Возможно, пришло время сделать что-то для себя? — Он был не совсем уверен в том, что говорил, и отводил глаза. Мое сердце сжалось.

— Никто и никогда не сравнится с вашим отцом, — с дрожью в голосе произнесла я, ища в который раз за этот день подвеску Лейфа на своей шее.

— И не нужно, мам, — запальчиво заговорил Матс. Мы опять остановились, смотря друг другу в глаза. — Но если с тобой будет рядом такой мужчина, как Кейден... Мне определенно будет спокойней. Ты не можешь и не должна быть одна.

— Это похоже на сводничество. И точно не тема для разговора между мамой и сыном, — упрекнула я его.

— Пусть так. Огромный пустой дом — и ты все время будешь одна. Это может привести к депрессии или... к дурным мыслям.

— Матс, — положив на его щеку ладонь, к которой он прижался, я подбирала слова, чтобы убедить сына жить полноценной жизнью и не становиться гиперопекающим ребенком. — Ты не должен за меня тревожиться или приезжать каждые каникулы домой, чтобы мне не было скучно, или найти для меня сиделку. Вы едете учиться. Знакомиться с новыми невероятными людьми. Путешествовать, ездить в гости к своим однокурсникам, влюбляться, расставаться, отмечать Новый год в горах или на берегу океана. Я не центр вашей жизни. Я только тот, кто привел вас в эту жизнь и направил в нужное русло вашу гениальность. Я всегда буду вас ждать. Навсегда останусь вашей мамой. В холодильнике для вас всегда будет стейк, но ты должен делать нормальные вещи для взрослеющего мужчины. А искать маме ухажера — это не нормально. — Мягкая и понимающая мать сейчас нужна была Матсу больше, чем паникующая и убеждающая, что мир опасен, и он должен остерегаться всего.

Он поджал губы.

— Хорошо, я понял. Просто я так волнуюсь за тебя. И если бы было что-то, что отвлекло бы тебя от этого вселенского одиночества, — Матс сжал мои пальцы и притянул в медвежьи объятия. — Я был бы счастлив, — на выдохе закончил он.

— Милый, со мной все будет хорошо. У меня есть работа. И если хочешь, если тебе так будет спокойней... Я могу, например, пойти на курсы вязания?

— Ты и вязание?! Вещи совершенно несовместимые. Но я бы с удовольствием посмотрел на это, — его грудь вибрировала от легкого смеха.

От этого странного разговора осталось неприятное скребущее чувство в груди. Словно я обманывала и сына, и саму себя. Да и его упоминание о запахе меня встревожило. Но отчего-то я убеждала себя, что, несмотря на их невероятную схожесть с Лейфом, в детях все же больше человеческого. Или что кровь перемешалась, и для того, чтобы ему стать вульфом, генам Лейфа не хватает сил для пробуждения.

Как мать, обеспокоенная за будущее своих детей, я верила, что они самые обычные. Да, пусть немного умнее, чем большинство, но это не показатель. Я верила всем сердцем, что мне не придется столкнуться с оборотами, светящимися глазами и прочей магией вульфов, и не нужно будет объясняться, почему я врала столько лет. И все же крошечная доля сомнения была. Что, если?.. Что тогда мне делать? Как учить их жить с этим? Все связи были оборваны в ту ночь, когда под покровом темноты меня вывезли в багажнике машины из дома очередного отшельника, на безлюдной дороге вручили пару баксов и документы на новое имя. Молча простившись с человеком, имя которого я не знала, я выбрала направление наугад, а когда на заре

вышла на дикий пляж, мне показалось, что Моди знал о моей мечте увидеть океан и намеренно вел меня ближе к нему, чтобы дальнейший путь оказался мне по силам.

Стерев как ластиком мысли, желающие всплыть ужасающими воспоминаниями, наполненные бесконечным, ледяным, разрушающим черным ужасом, я с детьми окунулась в мир шопинга.

— И все же, Мика, — заходя в гостиницу, Матс опять осуждал необузданность сестры. — Настаивать на комплекте украшений в таком дорогом магазине было неуместно. Мама просто не могла тебе отказать. Ты должна знать меру, — но Мика слушала его вполуха, если вообще слышала. Она, совершенно счастливая, плыла по вестибюлю отеля, неся в руках пакеты с покупками и любуясь, как браслет от «Картье» переливается всеми цветами радуги на ее тоненьком запястье.

Матс резко остановился. Мика влетела в его спину. Я же, смотря по сторонам и пребывая в эйфории, не сразу заметила внезапную остановку нашей делегации.

— Кейден? — удивленно воскликнул Матс, громче, чем следовало. Внутри меня что-то перевернулось.

— Привет, Матс, — они обменялись крепкими рукопожатиями. — Мика! — Выглянув из-за спины сына, я увидела Кейдена. — Добрый вечер! –пробасил он.

— Добрый... — поприветствовала я его не очень внятно, хлопнув несколько раз ресницами, как кукла.

— Хорошо, что я вас встретил, — улыбнувшись одним уголком губ, сообщил он. Все же с его глазами определенно было что-то не так, вглядываясь в них, размышляла я. Они будто неживые. Может быть, один из них стеклянный или протез?

— Сегодня в машине обнаружил вот это, — он вынул руку из кармана полупальто. В его длинных пальцах изящными изгибами лежал кожаный шнурок с моим кулоном. У меня перехватило дыхание от накатившей радости. Протянув руку, я почти выхватила шнурок из его руки.

— Спасибо! — прижав кулон к груди, я улыбнулась. — Спасибо большое!

— Рад, что смог помочь.

— Вы словно рыцарь Гавейн, — лукаво сообщила всем нам Мика.

— Я не настолько чист и непорочен, — улыбаясь и вызывая этой информацией восхищение моей дочери, ответил Кейден.

— Может быть, хотите поужинать сегодня с нами? — внезапно спросил его Матс.

— Матс! — возмущенно зашипела я. Меня удивила его самодеятельность.

— Мам, Кейден вернул тебе дорогую, как память, вещь. Ты сегодня плакала из-за пропажи. А ужин и так будет накрыт на четверых. Почему бы не провести его в хорошей компании, — мой сын пытался воззвать к моей совести и при этом нахрапом давить на меня, фактически заставляя проводить время с мужчиной.

Я не была уверена, что хочу еще раз оказаться в компании Кейдена и что для моей психики это будет безопасно, от его подковырок в какой то момент я ведь могла и не сдержаться. Вчерашняя моя вспышка была странной и несвойственной моему характеру. И, может быть, утром я слегка сожалела о резкости, с которой говорила с мужчиной. Но я сделала дикое предположение, что настолько резко я отреагировала именно из-за подвески. Возможно, она, как вещь Лейфа, символ его власти и силы, сохранила частичку него и давала мне агрессивный заряд на отторжение мужчины, посягнувшего на чужую территорию. Я определенно хотела ответить отказом, однозначным и бесповоротным, но кулон в моих руках жег пальцы, и я понимала, что быть благодарной за такой поступок стоит. Он мог выкинуть его или продать, хотя для человека с его деньгами это сомнительно; и все же он отдал его мне лично в руки.

— Хорошо, — смотря снизу вверх в зеленые глаза, согласилась я. Без каблуков я совсем терялась рядом с этим мужчиной. — В восемь, будем ждать вас здесь.

Кейден слегка кивнул, как делали это когда-то джентльмены, и, повернувшись боком, пропустил нас вперед.

— Вы живете здесь? — спросила Мика, обернувшись и увидев, как Кейден зашел следом за нами и нажал кнопку «пентхаус».

— Да, — поправляя лацканы кашемирового пальто, с обескураживающей улыбкой заявил он, не сводя с меня тяжелого взгляда. Будто я у него что-то украла. — Здесь лучшая баня, а бассейн под стеклянной крышей, ночью видны звезды. — Лифт звякнул, привезя нас на наш этаж. — Скоро увидимся, — подмигнул он Мике, которая, окрыленная и счастливая, почти вывалилась из лифта, даря ему улыбки и метая взгляд между мной и им.

— Как он может видеть звезды при осенней облачности и ночной иллюминации города? — фыркнула я, вышагивая по коридору к номеру.

— Может быть, он просто романтик? — в прискоке развернувшись ко мне, защебетала Мика.

Кажется, моя дочь влюбилась. О-о-о-о, Боги, сберегите нервы Кейдена! Ее глаза сверкали, щечки слегка покрылись румянцем, и вся она была воздушная и парящая.

Оставив детей в гостиной, я отнесла покупки в спальню и налила себе ванну с пеной. В нашем доме нет ванной. Я их недолюбливала; по, возможно, странным причинам. Все они напоминали мне о теплом источнике под сводом пещеры. Ванны возвращали меня в тот дикий, первозданный лес, где я бегала босиком в льняных платьях и рубахах, с распущенными волосами, в сопровождении моего Энея. Сердце сжалось от воспоминаний.

Тогда и только тогда я отпустила все свои инстинкты на волю, позволив им полностью завладеть мной. Сделать меня такой же дикой, непокорной, необузданной и таинственной, как и само место вокруг меня. Тогда и только тогда я позволила себе быть собой и быть свободной, без этических и моральных норм, без правил и клише общества. Я была той, кем и была задумана природой, женщиной.

Пена манила приятным ароматом пиона и ванили, но я смогла себя заставить только по колено залезть в обжигающую кожу воду. Ванна стояла у огромного окна. Вид на парк, погрузившийся в вечерние сумерки, так напоминал красивую картинку из фильма, не хватало только страдающего героя в длинном темном пальто, ожидающего нашей встречи. Подсвеченный желтыми, почти оранжевыми фонарями парк пустел и становился пристанищем для других личностей. Прячущихся в сумерках и ночи, ищущих совсем другое.

Сидя на бортике и ощущая, как стремительно остывает вода, я ненамеренно погружалась в прошлое. Почему именно сейчас оно решило хлопнуть меня по плечу? Иногда я могла обойти воспоминания, связанные с Лейфом, иногда могла затереть их водой, разбавить акварельные краски, размыть его фигуру. Я просто не могла о нем вспоминать без боли и сожаления, а еще без чувства стыда, которое меня грызло время от времени. Несмотря на всю дикость положения, там я была счастлива. Там я не была обусловлена ничем, и мне позволялось все, что взбредет в голову. Горячие слезы скатились по щекам, и я не стала прятать их от своего отражения, наложенного не вуаль вечера. В который раз мое сердце оплакивало утрату. И в этом номере отеля я не была знаменитым адвокатом, одинокой суровой леди. Я была женщиной с потерянной душой, разбитым страдающим и истекающим кровью сердцем. Многие годы. Словно сердец у меня было два. Одно, которое полнилось светом и любовью к своим детям, своей работе, а другое все еще страдало от прошлого. И роль сильного игрока была тяжела.

В восемь вечера мы встретились с Кейденом в холле, дети шли впереди, словно давая нам возможность остаться наедине. Шнурок на шее знакомой тяжестью обвивал ее, и я чувствовала невидимую броню. Кейден, к слову, надел бархатный смокинг с синим отливом и атласными лацканами, темные брюки и белую рубашку, не застегнутую на пару первых пуговиц, и все это ему очень шло. Выглядел он элегантно, с шиком. Аккуратно зачесанные назад волосы блестели от софитов, под которыми он проходил, гладковыбритое лицо и дурманящий аромат седых

туманов и пряной остроты. Хотелось провести носом по воздуху следом за мужчиной, вдыхая запах.

Официант проводил нас за стол. Кейден сел рядом со мной, я рассчитывала, что он будет напротив, и я собиралась быть между детьми, нет, не прикрываясь ими как щитом, а потому, что... мне так комфортней. От каждого движения рук, покачивания головы Кейдена я пьянела от аромата, как от медовухи Жози.

— Чем занимались весь день? — поинтересовался Кейден, перелистывая меню, словно это был ежедневный вопрос, звучащий из его уст в наш адрес. Матс был сдержан в своих высказываниях, но Мика описывала все в мельчайших деталях, даже то, что ей приглянулось, когда она шла мимо витрин.

— Матс, могу поздравить тебя с шикарным приобретением, — отсалютовал Кейден бокалом, указывая глазами на левое запястье, где переливались бриллианты на циферблате.

— Да! — смущенно согласился сын. — Мама готовит нас к колледжу. И решила, что это не выделит нас из толпы, — ухмыльнувшись, сказал он.

— Это отличное вложение и память. Ваша мама умница, если может сделать подобные подарки, — заключил Кейден.

Мои щеки зарделись румянцем, и он был вовсе не краской смущения, а вспышкой злости. Он похвалил меня, как школьницу за отличную отметку, которую я не заслужила, и Кейден знал, что я списала. Он вел себя как отец семейства или мой покровитель, и меня это жутко бесило.

— В жизни может случиться всякое, и это, — он кивнул на запястья детей, — гарантия того, что вы не останетесь голодными или на улице, на первое время. — Матс и Мика застыли и в мгновенье перестали улыбаться.

— Вы раскрыли мое тайное послание, — стараясь скрыть сарказм, сказала я, отсалютовав бокалом белого вина.

— В вас говорят ваши страхи, — уверенно заявил Кейден, делая вид, что не понял моего тонкого посыла в его адрес. Я удивленно уставилась на него. — Возможно, когда-то вы оказались в ситуации, когда не могли вернуться домой, и вынуждены были зависеть от чьей бы то ни было воли, и таким образом вы пытаетесь передать детям свой опыт и дать им возможность отступления. — Теперь дети смотрели на меня и ждали комментария.

— Жизнь многогранна, и иметь что-то подобное про запас всегда полезно, — наведя тумана, ушла я от прямого ответа.

— Мамочка, мы чего-то не знаем о тебе? — елейно спросила Мика.

— Нет, милая, — мои губы дрогнули, пытаясь улыбнуться. Матс не сводил с меня напряженного взгляда, будто принюхиваясь к моей лжи.

— Вы всегда жили здесь? — как бы между делом уточнил Кейден. Серебряный нож в моих руках застыл над закуской из гребешка.

— Да! — спокойно выдавила я из себя. Мне казалось, все за столом слышали, как бьется мое сердце. Почему ложь не может литься из моего рта свободно, ведь я адвокат! Черт!

— А как у вас получилось построить такую прочную и широко известную юридическую фирму? — Кейден своими вопросами не давал мне продыху, я не могла нормально жевать и даже думать. Сегодня что, вечер допроса?

— Я получила ее по наследству от отца. Правда, когда она попала мне в руки, это было убыточное и почти разоренное предприятие.

— Ваш отец был плохим адвокатом?

— Мой отец был отличным прокурором. А доставшаяся ему от отца моей матери фирма совершенно его не интересовала, — сжав нож в руках, я пыталась ровно дышать.

— И как вы попали в такое закрытое общество? — Кейден пытался вытянуть из меня хоть что-то касательно моих клиентов. Сверкнув глазами и стиснув зубы, я всеми силами давала ему

понять, что тут дети, и не стоит при них поднимать тему моих клиентов, и вообще мой бизнес — это не тема для обсуждений. Я зарабатываю на хлеб, а как я это делаю, никого не касается.

— Все с чего-то начинают! — дала я расплывчатый ответ. Кейден хмыкнул и, закончив с закуской, откинулся на спинку стула. Его глаза в этом приглушенном вечернем свете казались мертвыми, не выражающими никаких эмоций.

— А что особенного в твоих клиентах? — настороженно спросил Матс, и сейчас взглядом я готова была убить Кейдена и очень надеялась, что он это понял.

— Ничего, — буднично ответила я, пожав по-идиотски плечами. — Просто с нюансами, которые есть в любой работе, и их нужно учитывать.

— Для того, чтобы работать с такими людьми, нужно быть очень смелым человеком, — для чего-то добавил Кейден.

— И что это значит? — бросив салфетку на остывшие гребешки, спросила я чуть громче, чем предполагали приличия.

— Только лишь то, что ты отважная и не бежишь от трудностей. — Я прищурилась, не понимая эту реплику. Она с каким-то подтекстом? Тайным смыслом? К чему эта скрытая прожарка меня, моих действий и бизнеса, словно мы были знакомы когда-то и я ему насолила или жестко обманула?

Но Кейден был совершенно спокойным, с сияющей улыбкой. Я проглотила все, что хотела ему сказать, и, отвернувшись от его наглого лица, позвала официанта. Надеюсь, горячее я съем горячим. Кейден весь ужин бросал на меня взгляды. Ненароком старался задеть мою руку то пальцами, то локтем или коснуться под столом коленом. Это было раздражающе, и к какому-то моменту я потерялась в своем мире, не вслушиваясь в разговор ребят и Кейдена, притягательный в начале вечера аромат мужчины стал таким же надоедливым, как и он сам, и теперь мне уже не казались случайностью ни наша встреча в отеле, ни моя потеря кулона. Он вел себя странно.

Мика и Матс рассказывали о школе, планах на учебу в университете и делали все, чтобы мы с Кейденом не пересекались в беседе. Мика щебетала без устали весь вечер, и к концу ужина у меня разболелась голова.

— Мам, мы пойдем в номер, — огорошил меня Матс, вырвав из моих мыслей, — а ты отдыхай. — Они с Микой поцеловали меня в щеки и отошли от стола — так стремительно.

— Но я… — Я поднялась со стула в надежде уйти вместе с ними. Взявшийся из ниоткуда официант начал перечислять десерты и параллельно убирать со стола, что было невежливо с его стороны, мельтешил передо мной как назойливый комар, и я не успела, Мика и Матс скрылись за углом. Заговорщики оставили меня в полной растерянности одну. Мой бокал наполнился вином цвета соломы и южного песка. Все, что я делала весь вечер, пока мои дети беседовали с этим мужчиной, — безбожно пила. Зачем я согласилась пригласить постороннего человека на ужин? Возможно, было бы достаточно простой благодарности? Почему продолжаю сидеть рядом с ним, а не встану и не уйду? Мне казалось, что мои ноги будто в тазике с цементом, как когда-то делали бандиты в черно-белом кино.

— Сожалеешь, что пригласила меня? — разламывая вилкой шоколадный фандан, язвительно, словно прочитав мои мысли, спросил Кейден. Повернувшись, я внимательно посмотрела на него и увидела пробивающуюся в чертах лица жесткость и оскаленную, совсем не добродушную улыбку.

— Какого черта ты делаешь? — выпалила я, больше не собираясь вести светскую беседу.

— Ваши дети уже выросли, и им нужно знать, с каким риском ты сталкиваешься каждый день на своей работе.

— Кто ты такой? — зашипела я. — Кто ты, чтобы осуждать меня или учить, как нужно или не нужно?

— Ты понимаешь, что работаешь с головорезами? — он наклонился ближе ко мне, и теперь мы сидели почти вплотную друг к другу.

— Я оказываю услуги, качественные услуги, за которые мне платят, и никого не касается, кто и за что.

— А ты не думала, что тайны, которые ты хранишь — это бомба замедленного действия?

— И-и-и? — Я возмущенно уставилась на него.

— Это опасная работа, — тише произнес он, словно с беспокойством, промелькнувшим в нескольких нотах голоса.

— Мне нужно кормить и учить детей, и я делаю ровно то, что должна. За меня этого не сделает никто, — голос дрогнул; зажмурившись на секунду, я дала себе возможность вдохнуть и выдохнуть. Схватив рукой медальон, до боли сжала его в руках. — И не думаю, что кто-то посторонний может давать мне советы или пытаться уличить в чем то, — уже спокойней закончила я.

— Я просто тревожусь, — оглушил меня Кейден странным признанием, в которое мало верилось.

— С чего бы? Мы знакомы пару часов.

— А сколько нужно времени, чтобы узнать человека? — заглянув в мои глаза, тихо спросил Кейден. Отшатнувшись от его близости и слов, я ощутила внезапную нехватку воздуха.

— Что? — участливо уточнил мужчина, смотря на меня пустым взглядом, и, накрыв горячей ладонью мои ледяные пальцы, нервно подрагивающие на белой скатерти, придвинулся ко мне на несколько сантиметров, забирая мой воздух. Сердце замерло от контраста, и я сглотнула вязкую слюну.

— Ты мне нравишься, — произнес Кейден одними губами. Подскочив как ошпаренная с места и выхватив руку из его ладоней, я отступила от стола на шаг. Мужчина не двигался, смотря на меня снизу вверх. Его подбородок дернулся, видимо, от крайнего раздражения. Сердце скакало в груди, словно я бежала километров десять без остановки, а легкие горели огнем.

— Не смей, — прошептала я. — Это все... — Я оглянулась, кажется, ища чьей-то улыбки, подтверждающей, что это шутка, мне казалось, что меня загоняют в тупик. — Бред какой-то... — выдавила я из себя. Губы дрожали, а глаза наполнились слезами. — Никогда, слышите, никогда не прикасайтесь ко мне! — Я побежала к лифтам, кожей ощущая присутствие Кейдена.

Лифт распахнул зеркальные двери, и, ввалившись в него, я надеялась быстро уехать, нажав кнопку десятого этажа. Мужская фигура вклинилась в кабину лифта. Прижавшись к зеркалу, я напряженно следила за Кейденом. Отступать было некуда, он сканировал хищным взглядом каждый мой вдох, который давался с большим трудом, казалось, что я в барокамере.

— Ты ведь даже не представляешь, — буквально прорычал он, а у меня все в теле задрожало. — Даже на секунду.

Лифт, знаете ли, не самое большое помещение, и Кейден с размаху впился в мои губы. От шока, неожиданности и сковавшего ужаса я словно одеревенела, не чувствуя ни ног, ни рук. Тело не принадлежало мне. В моей голове щелкали затворы, и вот когда нужный встал на место, я подняла ногу, вытянула стилет из ножен и, вцепившись в рукоятку ножа, со всей силы воткнула его в бедро Кейдена. Он оторвался от меня, сморщился, и его губы растянулись в дьявольской ухмылке. Стилет с зазубринами — они кромсали мышцы и жилы в бедре мужчины, как мясорубка. Вынув резким движением нож из человеческой плоти, я ощутила, как горячая кровь коснулась моих пальцев, и пока Кейден был оглушен поворотом событий не в его пользу, я выскочила из лифта.

Тыльной стороной ладони вытерев губы и прошагав сумрачный коридор, где шпильки утопали в синем, как морская бирюза, ковре, я попала в тишину номера. Пальцы отказывались слушаться, и я никак не могла расстегнуть пуговицы, они скользили и не поддавались. Набрав

в раковину ледяную воду, я опустила в нее руки, и прозрачная жидкость была антидотом от всего, что произошло сейчас в лифте и на ужине. Кровь расплывалась в воде и окрашивала ее в алый, смывая с меня допрос, притворную заботу незнакомца и акт физического доминирования. Пальцы стало покалывать от холода, и я, как закаленный металл, выпустила страх, злость и панику, ощущая воду.

Мое тело отказывалось принимать то, что произошло. Мне все еще казалось, что Кейден касается моих губ, бессовестно и нагло. Их никто не касался после Лейфа. Сползая на белый мраморный пол, я всхлипнула. Мой Лейф! Как жестоко с нами обошлась судьба! Почему мне не дали насладиться временем с тобой? Почему все было слишком быстро и так больно? Почему я не смогла полюбить тебя всей душой, всем сердцем?! Я старалась, очень старалась. Но стыд, который я ощущала до сих пор, прожигал меня изнутри. Мой милый, милый Лейф.

Сжав дрожащими пальцами подвеску, прошлась подушечками пальцев по надписи, сделанной рунами. Металл всегда был теплым, грел меня, как частица широкой и прекрасной души Лейфа, которую я так и не смогла полюбить.

Дрожа, даже после горячего душа, зарылась с головой под одеяло и попыталась уснуть. Среди ночи меня разбудил звонок, и, открыв глаза, я точно знала кто это звонит.

— Миссис Монтар, простите за столько поздний звонок, — этот голос, как ему казалось, обольстителя, на самом деле не влиял на меня никак.

— Мистер Мастриани, — держа глаза закрытыми, я надеялась, что звонок не важен и мне удастся вернуться к сладкому сну, в котором со мной был Лейф и я смогла забыть о вечере.

— Я в участке! — смеясь, пропыхтел в трубку мой клиент. Мысленно застонав, я все же села, приняв вертикальное положение.

— Что произошло?

— Это весьма деликатное дело, — начал юлить Мастриани, и я понимала, что речь пойдет об очередном свидании с чужой женой или невестой. Броль! Этот мужчина неисправим. В трубке раздалось характерное шипение — это значило, что нас уже слушают.

— В двух словах, мистер Мастриани, — я попыталась вразумить хвастуна и поторопить с объяснениями.

— Могу одним, — хохотнул он. — Адюльтер.

— Буду через час, — проинформировала я клиента и, повесив трубку, еще минут десять сомневалась, стоит ли ехать. Костюм я с собой не брала, придется появиться в участке в джинсах.

Проторчав с копами четыре часа, а после еще два в зале заседаний по делам о залоге, мы наконец-то вышли на улицу, где уже, как молоко, рассеивался утренний туман, и сквозь него то тут, то там пробивались оранжевые лучи солнца.

— Спасибо, Беатрис! — поцеловав мне руки, благодарил неудавшийся любовник.

— Мистер Мастриани, пожалуйста, оставьте сенаторскую ложу и их супруг в покое. Вам мало свободных женщин? — устало пробормотала я, запахивая плотнее пальто и скукоживаясь от холодного октябрьского воздуха.

— В этом и весь смысл. Острота впечатлений не может сравниться ни с чем, — он спустился на несколько ступеней вниз.

— Сенаторы могут оскорбиться, объединиться против вас, и тогда...

— Для этого у меня есть вы.

— Я не господь Бог, я просто ваш адвокат.

— Вы намного больше, Беатрис. Вы сокровище, и даже не представляете какое, — он улыбался и, кажется, был доволен.

— На этом и закончим, — подытожила я нашу такую скорую встречу и глазами искала такси. — Я чертовски устала.

— Я подвезу, — мужчина махнул рукой на подкатившую к бордюру черную машину.

— Нет. Завтра я жду вас в офисе, синьор Мастриани. — Он кивнул, поднял воротник коричневого кашемирового пальто и быстро сбежал по серой лестнице, стуча каблуками наполированных туфель.

Вернувшись в гостиницу, я завалилась спать, а проснувшись, побрела в спальню детей, которых там не оказалось. На моем телефоне не было ни пропущенных звонков, ни сообщений. Набрав поочередно детям, наткнулась на автоответчик. Это было странно, но, не позволив тревоге поглотить меня, я заказала завтрак в номер и села за работу, которая теперь благодаря неудачнику Казанове требовала моего внимания. Провозившись за работой около часа и набрав еще раз Матса, а после и Мику, я начала ощутимо нервничать. Такого не происходило никогда, чтобы дети без предупреждения пропали на продолжительное время и не отвечали на мои звонки. Набрав друзьям Матса, которые сказали, что не связывались с ним со вчерашнего дня, я набрала портье и попросила посмотреть, не проходили ли дети в бассейн. Получив отрицательный ответ, отложила телефон в сторону, чувствуя ледяную руку, сжимающую мой желудок. Подождав еще час, я набрала знакомого детектива.

— Майк, привет. Ты можешь установить местоположение моих детей? — Я старалась говорить ровно, но голос то и дело подводил и срывался.

— Беатрис, что-то случилось?

— Пока не знаю, но я не могу дозвониться до них, а это странно.

— Как давно?

— Около трех часов.

— Это же подростки, — хмыкнул он в трубку, а я сжала телефон.

— Майк, — прошипела я. — Это мои дети, они неспособны на что-то подобное.

— Хорошо, я посмотрю, — прислушавшись, возможно, к отчаянию в моем голосе, детектив согласился. — Скинь мне их номера.

Сидя над бумагами и пытаясь сообразить, что в них написано, я взглядом каждые две секунды возвращалась к телефону, я просто заклинала его засветиться, и чтобы это были дети.

— Майк, — разочарованно выдохнула я в трубку, понимая, что что-то произошло.

— Маячок моргает на железнодорожном вокзале, но уже минут двадцать они стоят на месте.

— Поняла, спасибо.

— Позвони мне, как выяснишь что-то.

Отключив телефон и надевая на ходу пальто, я была в ужасе и при этом старалась сохранить хладнокровие, чтобы не натворить больших глупостей. Здесь замешан Мастриани? Сенаторы? Кейден? Кто-то пытается запугать меня или повернуть дело в свою пользу — из тех, что я сейчас веду? Кто вообще осмелился пугать меня подобным образом? Или кому-то что-то нужно от меня? Вчерашние намеки Кейдена о том, с кем я работаю и как это опасно, а сегодня мои дети пропали. Тот, кто это сделал, должен понимать, что я найду своих детей и тогда засажу пожизненно всех, кто был причастен.

Центральный вокзал. Несясь по нему, лавируя между людьми, тележками, чемоданами, я вглядывалась в толпы прохожих и ожидающих, чтобы с облегчением увидеть возвышающуюся над всеми макушку Матса. Маячок привел меня к камерам хранения, я, даже не набирая Майку, знала, что это тупик.

— Майк, это камера хранения, — спокойно произнесла я.

— Бывший муж?

— Что? — переспросила я, не сразу сообразив, о чем он. — Нет. У нас никого нет. Ни дядей, ни теток, ни родителей, мы одни.

— Оставайся на месте, я скоро буду, — проинструктировал меня детектив и прервал звонок.

Я наворачивала круги, кусая внутреннюю сторону щеки и, конечно, придумывая тысячу ситуаций; разум убеждал, что есть самое банальное объяснение. Но сердце выстукивало ритм ответа, как жук-точильщик. Моих детей похитили.

Тошнота подкатила к горлу и обожгла гортань желчью. Упершись рукой в безжизненное железо камер хранения, я опустила голову ниже, стараясь успокоить сердце и не рухнуть в обморок на грязный пол центрального вокзала.

Майк, средних лет, бывалый постовой и коп, сейчас был капитаном. У него отличная интуиция и есть совесть, и он из прикормленных копов. Невысокого роста и немного лысеющий, тщательно это скрывающий, подтянутый, с заразительным смехом; часто часовые ожидания в участке были не такими скучными с его шутками и историями на все случаи жизни. Он много курил, литрами поглощал кофе и безбожно матерился. Его не остановило, что мы находимся под крышей вокзала — появился с сигаретой в зубах и стаканчиком кофе.

— Не волнуйся, — он погладил меня по плечу, щуря глаз от попавшего табачного дыма. — Найдутся. — Закусив нижнюю губу, я кивнула, сдерживая готовые пролиться слезы, я не могла позволить себе паниковать на людях, рыдать или требовать, чтобы моих детей искали все. Я смиренно ждала. Ждала, когда напарник Майка, Трой, сможет вскрыть нужную ячейку без лишнего шума. Если все делать по правилам, на это ушла бы минимум пара дней. Невероятно долгие пятнадцать минут. Щелчок замка — и в ячейке лежат телефоны Микаэллы и Матса, и больше ничего. Ни записки, ни подсказки, ни намека. Ноги подкосились, и я осела в руки подхватившего меня Майка. Кровь отлила от головы, и, кажется, все пошло кругом. Люди смешались в размытые черные пятна, я героически пыталась совладать с очередным приступом тошноты и гулом в ушах. Майк прислонил меня спиной к столбу и опустился на корточки, наши взгляды встретились, он брызнул мне в лицо холодной водой.

— Где ты видела их последний раз? — хрипло уточнил он. За спиной Майка стоял Трой, открыв тот самый черный блокнот.

— Вчера, после ужина в «Гранд-отеле», — я нахмурилась, пытаясь примерно вспомнить время. — Около 9:30–10:00. Я точно не помню.

— Потом?

— Я вернулась в номер. — Майк удивленно поднял брови. — Мы устроили себе мини-отпуск. Я не стала их проверять, легла спать. Ночью меня вызвали в участок. Я вернулась около восьми утра и снова легла спать.

— Чтобы просмотреть камеры в «Гранд-отеле», нужно время, — детектив поджал губы. Конечно, я понимала: никто не сделает для меня исключений, и действовать придется по букве закона, если только я не обращусь за помощью к своим клиентам, тогда можно ускорить процесс. Но я этого делать не буду.

— Почему я не проверила их? — шепотом в никуда задала я вопрос, смотря в напряженные карие глаза детектива.

— Тебе не за что себя корить. Это не изменило бы ничего. Если их похитили, то сделали это или ночью, или утром, когда тебя не было в номере, — он взял меня под мышки и поставил на ноги, встряхнув. — А теперь, госпожа адвокат, соберись. Думай, анализируй. Поехали в участок, нужно, чтобы ты написала заявление и вспомнила все странности, что были за неделю.

Мы шли сквозь прибывающих и отбывающих людей, я оборачивалась, надеясь, что мои дети стоят где-то за углом, пытаются встретиться со мной взглядами, попросить помощи. Меня трясло от ужаса неизвестности. Отгоняя дикие фантазийные кадры того, что могло случиться, я начала детально анализировать. Но в голову совершенно ничего не шло. Там была пустота, черная и непроглядная.

В участке меня ждала Рейчел, она и помогла составить заявление, в какой-то момент я забыла, что меня зовут Беатрис. Также Рейчел составила прошение для судьи об изъятии видео с камер наблюдения отеля и по пути следования сигнала телефонов. Пока я отвечала

на вопросы, составляла бумаги, пока я контролировала ситуацию — я не думала о том, что с детьми. Как только я останавливалась на минуту, даже чтобы сделать глоток кофе или воды, накатывал дичайший, сковывающий по рукам и ногам страх. Вернувшись в гостиницу в сопровождении одного вооруженного постового, я собрала вещи. Покупки стояли в углу, а на кровати лежала небрежно брошенная кофта Матса. Я не могла позволить себе истерик. Собранно, механически проверив номер, я поехала в офис, где и ждала новостей от Майка.

Ночь длиной в жизнь. Мне кажется, она никогда не закончится. Это вечно черное небо, не подсвеченное ни одной звездой, и город не казались мне ни на грамм уютным. Весь смысл моей жизни испарился, как утренний туман, как роса от жаркого солнца. Моя жизнь выскользнула из моих рук, и сейчас только толстовка Матса, хранящая его запах, напоминала, что все реально. Мои дети исчезли, и я не имею ни малейшего понятия, кто, а главное — куда их увезли. Какими бы они ни были умными, высокими, сильными, смекалистыми, но они не приспособлены к жизни за высокой оградой дома. Которую я строила в течение долгих пятнадцати лет. Я контролировала их успехи, учителей, все окружение, ничто не оставалось без моего внимания, и вот наступил момент, когда я что-то упустила, когда я расслабилась.

Офис погружался в привычный рабочий гул, а я не могла сомкнуть уставших, пылавших глаз и оторвать их от телефона, в котором теперь маниакально контролировала полный заряд. Я желала, чтобы весь мир замолчал, перестал дышать и двигаться, чтобы все смотрели на меня и услышали мой молчаливый раздирающий внутренности крик.

Моих детей похитили! Я не слышала их голоса, не слышала привычное «Мама!», не вдыхала их сладкий аромат. Мне хотелось кричать до хрипоты, но я не могла скатиться в истерику, я нужна своим детям здравомыслящей, способной принимать взвешенные решения.

Рейчел отказалась поехать домой и провела со мной бессонную ночь в офисе, проверяя меня и заставляя пить; есть не получалось — все шло обратно. Сейчас мой мозг работал как картотека, пытаясь восстановить картины прошедших дней, и, возможно, где-то на краешке сознания мелькнет подозрительный человек.

— Беатрис! — рядом со мной на диван опустилась Рейчел, она держала дистанцию, говорила очень тихо, чувствуя мое напряжение. — Синьор Мастриани пришел. — Я не моргая смотрела на телефон.

— Перепоручи его кому-нибудь.

— Не думаю, что он согласится. Он за дверью, прожигает тебя взглядом. — Отклеив глаза от властителя моего сердца, проклятого телефона, я подняла их на стекло, разделяющее меня с последним человеком, которого я сейчас хотела видеть. Он был при параде, с огромной корзиной жасмина. Я кивнула.

— Миссис Монтар! — Мастриани вплыл в кабинет и поставил свою ношу на центр стеклянного столика, на котором стояла остывшая чашка черного кофе без сахара. — Пришел отблагодарить вас за спасение моего имени. — Молча созерцая нелепую охапку дурно пахнущих цветов, я ждала, когда он уйдет. От запаха жасмина у меня начиналась мигрень. — Слышал, вас постигла неприятность. — Он был очень доволен собой, светился от счастья и не был похож на сочувствующего человека.

— Вам это кажется забавным? — зло бросила я.

— Нет, моя дорогая. Но я не был бы так счастлив, если бы не мог вам помочь. — Замерев, я перестала качаться как маятник из стороны в сторону.

— Что это значит?

— Только лишь то, что я знаю, где ваши ненаглядные детки.

— Это шутка такая? — Злость поднималась во мне по спирали, и я готова была вцепиться в его горло.

— Я совершенно серьезен! — Он пригладил свои и без того прилизанные, блестящие черные волосы, напоминающие нефть. — И я вам сообщу эту информацию, если... — Я подскочила на ноги и в несколько шагов оказалась около него.

— Если это какие-то дикие проделки вашей братии, я вас всех в порошок сотру. Вы же не настолько недальновидны, чтобы ставить меня в положение мстителя? — цедила я сквозь стиснутые зубы.

— Я никогда не поступил бы так низко с человеком, который всех нас держит за яйца. — Я сморщилась от такой аллегории. Повисла лирическая пауза, и я, конечно, поняла, что он ждал нужного вопроса. Эта свора работает по принципу «услуга за услугу», и никак иначе.

Выпрямив спину и отойдя от Мастриани на несколько шагов, я озвучила то, что в мою картину мира не укладывалось:

— Что вы хотите?

— Вас! — хищно улыбаясь, торжественно заявил этот идиот. Мои глаза расширились. — Вы удивлены? Только не волнуйтесь, я непостоянный человек, и обременять себя обязательствами не в моих интересах. Вы так недосягаемы для меня, что бы я ни делал, и мне хотелось бы понять ваш секрет, — он придвинулся ближе, не скрывая заинтересованного взгляда, облизал кончиком языка тонкие сине-белые губы, и меня передернуло от омерзения. Как он мог нравиться женщинам, да еще и стольким?

— Я скажу, где ваши птенцы, но не могу сказать, как туда добраться, а также с кем они. За это вы обещаете, что станете моей, пока мне это не надоест, — он был очень горд собой, знал, что выиграет, даже несмотря на весь компромат, что у меня есть. Он знал, что, если где-то всплывет хоть маленькая часть информации, что хранится у меня, весь мой бизнес, моя репутация рухнут. На кону стоит мое имя или мои дети. Я всегда выбирала детей, и этот раз будет не исключением.

— В качестве кого я вам нужна? Кухарка, садовник, друг для совместных обедов? Любовница? — с усмешкой спросила я. Учитывая обстоятельства, такая реакция была крайне странной. Мастриани улыбнулся шире на слове «любовница». — Если именно для утех, то вы еще больший глупец, чем я думала.

— Я рискну, — Мастриани сверкнул белыми зубами.

— Говорите, где они!

— С вами приятно иметь дело, — от радости он хлопнул в ладоши.

— Говорите! — прорычала я, и мужчина отступил на шаг с померкнувшей улыбкой.

— Они в Иттоккортоо, — самовлюбленно заявил он.

— Где это?

— Гренландия. Больше ничего не могу вам сказать.

Мой мозг затрещал, силясь преодолеть панику, отчаяние и ужас. Гренландия?! Какого черта!? Туда добираться несколько недель, и то только в определенное время года. Что могло заставить преступника увезти их туда?

— Откуда вы это знаете?

— Оставим эти вопросы, — отмахнулся Мастриани.

В любом случае, я не брошусь одна в неизвестность, а отдам полученную информацию Майку, и только когда он проверит все и я увижу человека, забравшего моих детей, я начну действовать. Пусть мне хотелось ринуться в бой, разрушить до основания судейский секретариат и поджечь всю канцелярию, но все должно идти по правилам, чтобы дальше я могла засудить каждого по закону.

— Спасибо за помощь, — поблагодарила я героя-любовника и отвернулась от него, намекая, что встреча окончена.

Я не сдвинулась с места; скинув Майку сообщение, заставила себя сесть и ждать от него звонка. Мыслями я была со своими детьми, посылая им импульсы уверенности и спокойствия.

Если с ними происходило что-то ужасное, я молилась богам, чтобы они были сильными и стойкими. Мое сердце перестало биться в тот момент, когда открыли камеру хранения. Меня словно покрыли ледяной коркой, и сейчас я не чувствовала ничего, кроме злости и замешательства. Картинка в голове никак не складывалась. Все мои прошлые связи были оборваны и завершены, а новые держали на привязи всех, кто мог сделать что-то подобное. Никто из клиентов не пошел бы на такое, каждый, входя в этот кабинет, знает, что я могу одним звонком уничтожить не только их как личностей, раздавить их семьи — я могу уничтожить их империи, а это всегда на первом месте. Конкурентов у меня нет, я никому не переходила дорогу, всегда умела делиться и не была жадной.

Я анализировала, взвешивала, и от неизвестности растерянность затягивала в тихую панику.

Двое суток я не видела своих детей, двое суток не слышала их голосов, не видела их улыбок, не целовала их на ночь. Кто мог совершить подобное зверство? Кто способен на такое? Кто? Кто? С криком, вырвавшимся из моего горла, с моего рабочего стола упали стопки папок, и белоснежные листы разлетелись по полу. Меня пытались загнать в ловушку? Кому-то что-то от меня нужно? Если бы это было с целью выкупа, его бы уже запросили. Если это происки конкурентов моих клиентов — то требования уже были бы выдвинуты. Телефонный звонок заиграл с максимальной громкостью на весь кабинет, я дико боялась пропустить этот звонок.

— Майк! — прохрипела в трубку.

— Ждем тебя в участке, — коротко бросил он и отключился.

До участка от офиса ехать пятнадцать минут. Я не была в теле, я вообще не была на земле эти пятнадцать минут, притяжение не работало. Я не дышала, не жила, я ничего не ощущала и не слышала, что говорил мне Майк, усаживая на стул напротив большого телевизора.

Черный экран загорелся почти пустым лобби, промелькнула горничная, официантка с подносом, и вот я вижу, как моих детей, в полном здравии, целыми и невредимыми, выводят из отеля и сажают в черный седан.

— Еще раз, — потребовала я, приближаясь к телевизору и всматриваясь в зерно экрана. Опять та же картина. Мика расслаблена, движения ног и рук плавные. Матс не напряжен, он не оглядывается в поисках меня или чьей-то помощи; они, ни от кого не скрываясь, выходят из отеля и садятся в машину Кейдена.

— Ты знаешь его? — ткнув в экран пальцем, уточнил Майк, поставив видео на паузу.

— Нет, не совсем, — безжизненно произнесла я онемевшими губами. Зажмурилась, потерла пальцами горячие глаза. — Он приходил ко мне с просьбой заняться его делом. Я отказала. Мы поужинали. Спустя пару дней столкнулись в гостинице и опять поужинали.

— Все? — напряженно уточнил Майк.

— Слушай, похищать детей за то, что в тебя воткнули перо — это дикость! — взревела я, подскочив на ноги.

— Он не выглядел недовольным, если ты проткнула его где-то, — заметил Майк и включил еще одно видео. Мы с этим уже «мертвым» человеком в лифте, он пытается поцеловать меня, и вот мой нож втыкается в его плоть. Это зрелище доставило мне дикое удовольствие, вспомнив, с какой легкостью нож входил в его кожу, я ощутила экстаз.

Я вывалилась из лифта, а Кейден после закрытия дверей улыбался, и, кажется… ощутив, с каким болезненным толчком стукнуло мое сердце, я сморщилась от укола и надавила на грудную клетку... эти метаморфозы с челюстью, которые промелькнули на долю секунды, я не перепутаю ни с чем. Обычный человек ничего не заметит, но тот, кто видел это десятки раз, знал, что должно последовать после, но дрожь по телу Кейдена не побежала, он закрыл глаза, подняв голову к потолку, улыбался, будто с ним случилось самое великое чудо, и, совсем не хромая, вышел из лифта.

Теперь я знала, кто стоял передо мной и кто похитил моих детей.

— Мы проследили за машиной. Они приехали в частный аэропорт, где их ждал джет. Нужно оформить запрос для судьи на арест и международный розыск.

— Спасибо, Майк. Огромное спасибо, дальше я сама, — как в бреду прошептала я, поднимаясь на ноги.

— Беатрис, а как же заявление? — крикнул он из своего кабинета, но я его уже не слушала, несясь по участку к выходу.

Собраться в дорогу — не проблема, аренда самолета — ерунда, если он думал задержать меня этим, то он просто не знает, на что способна разгневанная мать.

Выбегая из участка, набрала Рейчел:

— Собери всё, что есть на частные джеты, вылетевшие из города после десяти вечера три дня назад. И разбуди нашего друга в авиационном департаменте. Мне нужна информация и самолет, — быстро и твердо диктовала я, запрыгивая в такси.

Зачем Кейден увез их так далеко? Что может быть важного в Гренландии? Несясь по городу к офису, я прокручивала в голове образ Кейдена, я его знала, он кого-то напоминает мне, но кого? Я могла его видеть в коммуне? На похоронах родителей? Среди отшельников? Или тех, кого скрывали отшельники?

Если возможно задать себе все вариации вопросов, прикинуть все возможные ситуации, я это сделала.

Много часов спустя самолет, который для меня арендовала Рейчел, приземлился в крошечном городке, окруженном серо-белыми пустошами, напоминающими кадры постапокалипсиса. Вода в речке грязно-серого цвета почти сливалась с землей и антуражем, и если бы не бурный поток, то можно было бы предположить, что это огромный червяк сползает с горы. Речка была мелкая и неширокая, протекала недалеко от ангара, который выполнял роль аэропорта в крошечном городке Кангерлуссак. Кое-где в самой дали можно было увидеть зеленые холмы. Мы приземлились для дозаправки.

Пилот, молодой норвежец с загорелым лицом, вышел ко мне, снимая грязные рабочие перчатки, спустя три часа. Потерев короткостриженый затылок, он ухмыльнулся и сказал с сожалением:

— Мисс Монтар, плохие новости. Отказала гидравлика. Деталь нужно везти из Рейкьявика.

— Сколько времени?

— Минимум три дня. Простите.

Я кивнула, глотая ком ярости. Что-то здесь было не так. Слишком... шаблонно. «Три дня» — ровно столько, чтобы я пропустила единственный паром до Иттоккортоо на этой неделе.

— Покажите, — потребовала я, выходя из продуваемого всеми ветрами ангара.

Он указал на узел, с которого капала зеленая жидкость. Сам узел был чистым, блестел новизной, а вот срез шланга выглядел слишком ровным, не как прорыв от износа, а как аккуратный разрез. Пилот последовал за моим взглядом и нахмурился.

— Это... странно, — пробормотал он.

— Да, — тихо согласилась я. — Очень странно.

Весть о поломке повисла в ледяном воздухе Кангерлуссака неожиданностью, от которой заныло под ложечкой. Не технической неполадкой — тишиной. Пилот разводил руками, местный механик не поднимал глаз, а авиатехник, которого вызвали для осмотра по моей настойчивой просьбе, щелкал языком, дыша перегаром на нас с пилотом, и в его словах не было досады профессионала, а лишь привычная покорность обстоятельствам.

— Такое бывает. Ждите.

Я ждала. Три дня в комнатке с видом на бесконечную серую пустошь. Каждую ночь под окном останавливалась одна и та же машина без опознавательных знаков. Двигатель работал ровно час, затем уезжал. Никто не выходил. Просто наблюдал. Контролировал.

Поломка была не препятствием. Она была ритмом, заданным извне. Каждый прожитый час в этой ледяной ловушке я чувствовала незримую руку, методично закручивающую гайки. Кейден не просто знал, где я. Он дирижировал моим временем. И я была вынуждена слушать его тихую, леденящую музыку ожидания.

Трое суток промаявшись в маленьком номере два на два, я наконец-то дождалась звонка, меня пригласили на посадку, дали зеленый свет двигаться дальше. Через два часа я уже ждала пересадку на паром до Иттоккорттоо. Паром ходит туда один раз в неделю. Я готова была рычать и рвать всех, кто мне попадался на пути и говорил, что попасть туда иначе невозможно, быстрее никак. У меня была масса времени, чтобы обдумать, кем может быть Кейден. Для чего приходил синьор Мастриани на самом деле? То, что ему нужна я, конечно же, ложь. Откуда Мастриани узнал о том, куда повезут моих детей? Его арест — это был отвлекающий маневр? И почему Кейден сразу не похитил детей, обойдя всю нелепицу с ужинами и знакомствами? Как долго он следил за нами? Как и откуда он знает, кто я и кто мои дети? И знает ли еще об этом кто-то кроме Кейдена? Кто вообще этот Кейден? А кто Мастриани? Он тоже оборотень? Если да, то почему я не замечала за ним ничего подозрительного? И если он так хорошо скрывается, то есть ли еще вокруг меня подобные личности? Черт, черт, черт!

Я не спала много ночей, я просто не могла закрыть глаза и позволить мозгу расслабиться, моя логика не могла найти ответов, моментами в мысленных вопросах я уже начала путать Кейдена и Мастриани. В моей версии уже были и Кира, и Касс, и если это они, то они точно украли детей не для прогулки по лесу.

Ночь перед отплытием парома была адской. Я видела, как он стоит на пристани, и просто боялась моргнуть. Вдруг он исчезнет, затонет, или что-то еще случится. Казалось, что я на грани, и если мне скажут, что рейс отменяется, то я поплыву вплавь или на гребаном айсберге, которые тут были всюду. И как, спрашивается, паром пройдет по этой полосе препятствий?

В шесть утра я села на белое корыто с развевающимся флагом совсем не Гренландии, но не обратила на это внимания. Я была слишком вымотана для таких мелочей. Последние силы я саккумулировала для финального рывка. Каюта была меньше спичечного коробка, но все это было неважно. Даже если бы мне пришлось плыть как трюмной крысе, я бы и так поплыла, мне нужно вытащить своих детей из этого застывшего во льдах места. Паром должен идти три дня, еще три дня, а дальше... Что дальше, Коди?

Это имя я произносила только про себя. «Беатрис» мне никогда не нравилось, но мама считала его наследием, и спасибо, что оно у меня было, так мой обман с переменой имени и фамилии выглядел естественней. А дальше нужно как-то искать этого Кейдена. А это вообще его настоящее имя? Я села, вытянутая как струна, на идеально ровно заправленной кровати. А если это не его настоящее имя, повторила я шепотом только сейчас дошедший до моего сознания вопрос. Так, не паникуем. Я разберусь со всем. Я адвокат, в конце концов, я их мать, единственный родитель, в конце концов, я могу обратиться в органы власти.

Как же я была далека от понимания ситуации и, если честно, до безумия наивна. Если бы мне кто-то тогда сказал, что вот оно, мое прошлое, оно догнало меня не в тот момент, когда моя душа снова и снова рвалась от воспоминаний, а что все будет намного сложней и многогранней, да я бы... не знаю, что бы я сделала. Возможно, просто послала бы этого человека. Я даже представить не могла, что все настолько сложно, серьезно, что это целый мир, о правилах, законах которого я не имела понятия. То, что мне рассказывал Лейф, и рядом не стояло с действительностью.

Все это время мне позволяли жить той жизнью, которую как мне казалось, я сама выбрала для своих детей и себя. Я полагала, что я строитель своей судьбы, но это была огромная ложь и иллюзия, тщательно созданная Лейфом. Но это мне еще предстояло узнать, а пока, кутаясь в пуховик и все равно промерзая до костей, я придумывала что-то похожее на план. Три дня я пробиралась сквозь ледники, куски льда и глубокую синюю воду, все это, казалось бы, одно-

образие цветов превращалось в невероятное зрелище, когда всходило солнце, а тут оно было частым гостем. Стараясь проводить максимум времени на палубе и дышать свежим воздухом, так меня не укачивало, я смотрела в синеющую даль, где море сливалось с горизонтом, и иногда казалось, что все перевернулось с ног на голову и мы плывем по небу.

Вдруг на палубе стало многолюдно, все смотрели в одну точку, улыбались, восторженно восклицали, и я ощущала общее волнение. Время перевалило за полдень, солнце припекало макушку. Прищурив глаза, я пыталась понять, что видят все и чего не вижу я. Когда весь патовый лед остался за левым бортом и паром словно сделал глубокий вираж, я застыла, открывши рот.

Между двумя белоснежно-синими горами лежал город-цитадель. На самой вершине, словно венец величию, стоял замок. Не средневековый, неоготический, с зубцами «ласточкин хвост», которые я видела только в учебниках по истории права Европы. Такие строили тевтонские рыцари и итальянские синьоры, символ военной и судебной власти, слитой воедино. Башни, бойницы, монолитные стены — всё кричало о тотальной обороне. Но ниже, каскадом спускаясь по склону, город взрывался стеклом и сталью небоскребов, оплетенных светящимися транспортными артериями. Это была демонстрация. Они не застряли в прошлом, а вплели и присвоили эстетику древности, чтобы подчеркнуть свою неприступность, и на этом фундаменте построили будущее. Замок не венчал город. Он держал его на прицеле, выходя из горы как многорукое чудище и распарывая шпилями брюхо небосвода. Все это казалось чем-то невозможным здесь, среди холода, снега и льда. Нарисованной картинкой, но не местом, где живут люди.

Вернувшись в каюту, я легла на кровать, прикрыв глаза и надеясь, что мне станет лучше, но муть опять накатывала с новой силой, и, больше не желая проглатывать подкатывающую желчь, я взяла рюкзак и вернулась на палубу ожидать причаливания, чтобы сойти на твердую землю в числе первых. До порта мы дошли, когда на льды и океан опустились сумерки, в городе зажглись тысячи огней, а вода вокруг стала черной и непроглядной. Сойдя на берег, я приготовилась покинуть порт, оглядываясь в поисках нужного выхода. Меня окликнул портовый служащий:

— Мисс, вам нужно пройти в терминал, зарегистрироваться и получить визу, — он махнул рукой в сторону терминала и скрылся в недрах парома. Серьезно? Визу? Толпа людей потихоньку вытягивалась в очередь, и я вклинилась в эту вереницу, мельтеша глазами в поисках другого выхода из порта, без регистрации.

Возможно, это не самое верное решение. Но и как пройти мимо всей этой охранной системы, которая оказалась внушительней, чем в Блойдшире в мэрии, я не понимала. Всюду были камеры, буквально на каждом столбе, и не по одной. Вдоль всего забора высотой метров шесть стояли люди в черной форме, в бронежилетах, касках и с оружием через плечо. Это что, военные? Зачем? Это особо охраняемый объект? Или на этом пароме привезли что-то важное? Очередь движется слишком медленно, будто там не фамилии в формы вбить нужно, а полный досмотр пройти. Столько бессонных ночей, бесконечное волнение и недоедание — и, кажется, я сейчас здесь свалюсь. А мне еще нужно найти машину или такси, которое привезет меня в отель. А дальше? Все, что у меня есть — это имя Кейдена и фотографии с видеосъемки, которая не отличалась четкостью для опознания.

Я так устала волноваться и придумывать все, что могло случиться с моими детьми, что не сразу заметила, как ко мне движется несколько тех самых вооруженных, хорошо сложенных мужчин. Внутренне подобравшись, я приготовилась защищаться, или что бы это ни было, я просто была готова.

— Мисс, — заговорил один из них. Подняв на него глаза, я пыталась понять, исходит ли от него угроза; он был собран и сосредоточен. — Вы мисс Монтар?

— Да, — я вздернула подбородок и расправила плечи. Кажется, никто не собирался пропускать меня на этот остров просто так и красную дорожку не постелил. Я прекрасно понимала, что мне показывают мое место: здесь ты не решаешь, когда двигаться. Тебе указывают. И лучше слушаться.

— Пройдите, пожалуйста, за нами, — они уже отцедили меня от общей толпы, которая поглядывала на меня косо.

С прямой спиной и сопровождаемая двумя военными, я без сопротивления пошла следом. А в чем смысл? Если у них приказ, то меня просто скрутят, наденут наручники и арестуют. За что угодно. Мне нужно попасть к детям и увезти их отсюда, а для этого я готова даже голой станцевать, если придется. Покорность и молчание, покорность и молчание, Коди. Иначе проблем не оберешься.

Мы обогнули всю людскую очередь и прошли сквозь высокий железный турникет, он провернулся с тихим щелчком, впуская меня и наглухо запираясь за моей спиной. Значит, обратно путь отрезан. Зайдя в здание, где было ощутимо тепло, я скинула с головы капюшон.

Широкий коридор, стены выкрашены в нежно-голубой цвет, над головой обычные офисные лампы. Сопровождающие не жались ко мне, находились на приличном расстоянии, словно не предполагали или не допускали мысли, что я могу убежать. Один из мужчин чуть вырвался вперед и, остановившись у стеклянной двери, распахнул ее для меня и сказал:

— Проходите, к вам скоро подойдут.

В комнате оказалась скупая обстановка, стол и два стула, и еще одна дверь в другом конце помещения. Охранники оставили меня одну, оставшись охранять дверь с другой стороны.

Ни к чему не прикасаясь, я оставалась в центре комнаты мятежным островом паники и страха среди порядка и гулкой тишины. Мне казалось, что все слышат мои мысли, мое дыхание, я была самым громким человеком в этом здании и настороженно прислушивалась. Щелчок, и дверь открылась. Невысокого роста мужчина преклонного возраста со щедро лысеющей макушкой и внушительным пузиком добродушно улыбнулся, густые седые усы разъехались в стороны, и он напомнил мне моржа из мультика.

— Добрый вечер, мисс Монтар, — он протянул руку для пожатия, и я ответила ему.

— Добрый, за что меня задержали?

— О, вас не задержали, — принявшись раскладывать бумаги, бланки и печати на столе, успокоил он меня. — Это просто ускоренный досмотр и получение визы. Выборка происходит в произвольном порядке, слишком много туристов, чтобы не затягивать ожидание, — добродушно улыбнулся мужчина. Специально задержав взгляд на его глазах, я напряглась и-и-и... Они были совершенно нормальные. Но у Кейдена они тоже были нормальные.

— Подпишите это и это, — протянул он мне бланки и ручку. Взяв бумаги, я принялась читать.

— О неразглашении чего? Все туристы подписывают такие бумаги?

— После того, как вы выйдете за эту дверь, вас сопроводят в машину. Которая отвезет вас в ту часть страны, которую мы не показываем туристам в связи с ее... — Он замялся, и его живот подпрыгнул несколько раз. — Специфичностью.

— И для чего меня туда отвезут?

— Я не могу вам сказать.

— Кто меня там ждет?

— Я не могу вам сказать?

— Очевидно, что вы в курсе, где мои дети. Скажите, — мой голос предательски дрогнул, и я ненавидела себя за слабость, которую сейчас демонстрировала всем вокруг. — Скажите, они целы?

— Я не...

— Я поняла! — грубо перебила я его. — Вот, возьмите, — поставив росчерки подписи, я не знала, что еще даю им в руки с этими подписями. Может быть, свою душу? Да и черт с ней. Важно только благополучие моих детей.

Мужчина поставил печати в мой паспорт, вклеил что-то между страницами и вручил его мне обратно, хотя я до последнего сомневалась, что мне его отдадут. Случайный выбор? Серьезно? Да это все игра одного больного ублюдка и такой же больной особы по имени Кира. Я думала, что прорываюсь к детям, а на самом деле мои шаги отслеживали, меня вели, как добычу, и даже сейчас давали понять, что я ничего не решаю и только по их великой воле могу пересечь границу и приблизиться к детям.

— Всего доброго, мисс, — он открыл мне другую дверь, где меня ожидал молодой человек в длинном черном пальто.

— Добрый вечер, мисс! — он так же дружелюбно улыбнулся. — Ваш багаж?

— Только то, что со мной.

— Идемте.

Идя следом за парнем, я все время оборачивалась. Кого я там искала? Возможно, кого-то с огромным плакатом-подсказкой «Не езжай, убьет». Внедорожник ждал нас у самого выхода, мне открыли дверь и даже помогли сесть. А я тут возмущалась о красной дорожке.

— Осмелился взять вам кофе с бренди. Обычно на пароме укачивает с непривычки, это поможет унять дурноту, — сказал парень.

— Спасибо, — поблагодарила я, но к стакану не прикоснулась.

— Мне... — ухмыльнулся он, но потом замолчал. — Пристегнитесь, вчера немного подморозило, и в горах слегка ведет, — он поднял стекло между салоном и кабиной, через которое ничего не было видно и слышно.

Сомнений нет, что за мной прислал Кейден. Я надеялась, что мои дети будут там, куда меня сейчас везли, или это все полнейшая бессмыслица. Если бы я могла, наверное, я бы восхитилась ландшафтом и архитектурой города, но меня трясло от волнения и нервного напряжения, даже челюсть ходила ходуном. Мне хотелось стучать в темное стекло, разделяющее салон, чтобы водитель нажал на газ и ехал быстрей.

Мы поднимались по серпантину, здания стояли по краям дороги и уходили вглубь. Все, буквально все здесь освещалось фонарями, даже на самих зданиях, что стояли фасадами к дороге, висели фонари на крюках. На улицах было многолюдно. Беззаботные, веселые прогуливающиеся жители и туристы ужинали, общались, смеялись, а я ехала в неизвестном направлении в надежде, что мои дети здоровы и невредимы.

Мы въехали в туннель, пробитый в горе, в одной из тех, что обнимали замок, и он был чертовски длинным, подсвеченный синим, оранжевым и розовым, от чего на стенах создавались причудливые образы дымных облаков или медуз. Длиной километров пятнадцать или около того, туннель обладал несколькими пешеходными переходами и выходами для пешеходов и экстренных служб. Какие нужны мощности, чтобы прорубить, оборудовать, благоустроить такую махину?

Перед выездом из туннеля машина притормозила, и водитель отдал через открытое окно документы все тем же людям в черном. Минут через пять проверки убрали шипы, бетонные борта, и шлагбаум поднялся. Глаза не сразу приспособились к глубоким сумеркам. Но очертания бескрайнего леса окружили трассу с обеих сторон. Всюду, куда хватало глаз, был лес, а с одной стороны деревья волной сбегали вдаль, упираясь в цепочку белоснежных гор. Мы находились на вершине и теперь спускались. Когда я увидела эту картину, пусть даже и в темени надвигающейся ночи, я осознала, где нахожусь. Ведь именно это однажды описывал мне Лейф, много лет назад и лишь однажды. Меня скрутило тошнотой от понимания, по чьей воле сюда привезли моих детей и для чего. Подрагивающими руками я вынула из кармана пуховика паспорт и, раскрыв цветные страницы и приблизив их к лицу, впилась глазами в красивую вити-

еватую печать. По краям орнамент был как на моем стилете. Провела подушечкой пальца по золотистому рисунку и буквам, вплетенным в стебли дикого плюща и ночной фиалки; и я знала, что там написано «Объединенное королевство островов Валси».

Чертов Броль! Черт! Черт!

Я замела все следы. Я предусмотрела все варианты развития событий, этого просто не могло быть. Меня даже сдать было некому. Это Касс? Что он сделает с детьми? Как он узнал про нас? А Кира все еще с ним? Что она сделает с детьми? Боги! Зажав рот рукой, я пыталась сдержать крик ужаса и сохранить хоть каплю здравого рассудка.

Осознав, что меня везут на эшафот, я быстро напечатала письмо своему адвокату. Распорядилась о трастовых фондах, имуществе, наследовании и будущем моих детей. Хорошем, безбедном будущем, пусть и без матери. Но это неважно, все неважно, только бы с ними все было хорошо. Если всю дорогу я паниковала, психовала и просто кидалась из отчаяния и истерики в злость и агрессию, то сейчас осознала неизбежное — и на меня накатило смирение и я ощутила покой. Я знала, что сделаю все для того, чтобы мои дети уехали отсюда живыми и вернулись к своей нормальной жизни, даже если для этого мне нужно будет вырезать себе печень и съесть, не подавившись, на глазах у Киры.

Машина, конечно же, свернула с основной трассы, углубляясь в лес по ровной однополосной дороге, кое-где виднелись маленькие фонарики вровень с землей, они красиво подсвечивали серый асфальт и зеленый газон. Преодолев ворота, мы въехали на не менее впечатляющую территорию. Дом стоял большим чернеющим квадратом, где почти отсутствовали стены, а в сумерках блестели стекла. Автомобиль замер, водитель обошел машину и распахнул дверь. На меня накатили волной запахи леса, моря и тумана, после машины это было отрезвляюще и немного неожиданно. Водитель проводил меня до распахнутой настежь двери и не проронил ни слова.

Внутри не было балясин, балок, канделябров, рамок, фотографий, статуэток, предметов искусства. Ровные, гладкие белые стены, темный, почти черный, с подпалинами, деревянный пол, приглушенный свет. Остановившись у дивана и положив на него рюкзак, я села на угол и смотрела пустым взглядом в сторону лестницы на второй этаж. Приближающиеся шаги были слишком легкими для мужских и точно не принадлежали вульфу.

Молодая девушка сбежала вниз по лестнице, и длинный шелковый халат темно-синего цвета развевался за ее спиной. Ее стройные ноги, загляденье, с завидной легкостью преодолели ступени, ноготочки выкрашены в черный, феерическая фигура, покатые бедра в обволакивающем шелке, красивая молодая грудь, тонкая шея, бархатистая светлая кожа. Синий шелк удачно выделял цвет ее кожи на контрасте. Бесподобные белоснежные волосы лежали широкими волнами на плечах. Ее личико в форме сердечка слегка вытянулось при виде меня, и, запахнув халат, она моргнула и замерла. Ее губы были воспалены — их целовали. Девушка слегка напоминала Киру, и я невольно восхитилась ее красотой и точеностью фигуры, ее молодостью и вкусом Касса. Мое сердце, до этого момента молчавшее, забилось с удвоенной или утроенной силой, понимая, что сейчас, в эту самую минуту, я столкнусь с неизбежным. Человекам, который желал мне смерти. Для такой встречи нужна смелость, а я совсем не из храбрых героев. Мы смотрели друг на друга, я с явным восхищением, а юная особа со смятением.

— Я просил не спускаться! — раздалось сверху совсем не дружелюбно, но очень спокойно. Голос был не Касса, и эти властные, повелительные нити, скользившие ко мне, были совершенно мне незнакомы.

— Я... прости... — Румянец покрыл ее шею. — Услышала шаги, подумала, что доставка, — тихо, покорно произнесла девушка. — Не буду вам мешать, — она юркнула в другую сторону, не поднимая глаз, словно боясь столкнуться с владельцем голоса взглядом.

Мое сердце билось гулко, ладони вспотели, я ощущала, что мужчина спускается, но не слышала звуков. Это был ответ на вопрос — кто предо мной. Не ссутуливая плечи, не сгорб-

ливая спину. На нем были только спортивные черные штаны с широкими штанинами. Босой. Впечатляющая фигура, не скрытая непонятным образом, а представшая мне как его создал Броль. Медленно, перекатами с носка на пятку, он ступал, как победитель. Палач. Король.

Я дышала с каждым его шагом. Сердце стучало в ритм. Глаза медленно скользили от мужских стоп к голому торсу и лицу. Наши взгляды столкнулись, и он только дернул подбородком, и больше никаких движений в стальном теле. Его глаза. Теперь я видела в них жизнь. Огонь, страсть и ненависть.

— Где мои дети, Кейден? — поднявшись на ноги, очень спокойно спросила я.

— Они там, где их законное место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.